

Карен Дашев

п ь е с а

Крохоборы

Действующие лица:

Люций – сын Агриппины, приемный сын Клавдия, Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, Император Великой Римской Империи;

Агриппина – мать Люция;

Акта – любимая женщина Люция, вольноотпущенница;

Секст – офицер преторианского легиона;

Марк – бывший офицер армии;

Тимофей – глава христианской церкви в Риме;

Симпатик – секретарь Нерона, вольноотпущенник;

Спор – эреб, последняя жена Нерона;

Рабы.

Сцена 1

Римский дом Люция. Время далеко за полдень, Люций изображает сон. За пологом постели прячется Акта, входит Агриппина.

А г р и п п и н а :

Люций, ты все ещё в постели!?

Л ю ц и й :

Что? Кто здесь? Кто?

А г р и п п и н а :

Твоя мать.

Л ю ц и й :

А, доброе утро. Ты сегодня очень рано.

А г р и п п и н а :

Для тебя это рано? Стыдись своей лени. Почему так поздно встал ты? Кто был у тебя?

Л ю ц и й :

Никого... не было никого.

А г р и п п и н а :

Ты - неважный актёр, а я - опытная женщина. Здесь пахнет женщиной, и будь я собакой, я определила бы какой.

Л ю ц и й :

А ты не чувствуешь? Тогда - догадайся.

А г р и п п и н а :

Когда-нибудь я сведу с тобой счеты! Ты дерзок. И как я тогда буду играть скорбящую и безутешную мать!

За пологом кровати слышится приглушенный вскрик страха.

А г р и п п и н а :

Я даже догадываюсь, кто у тебя за пологом. Ты даже не удосужился выгнать её прочь, прежде чем говорить со мной!

Л ю ц и й :

Ты так стремительно вошла.

А г р и п п и н а :

Выйди прочь, рабыня.

Л ю ц и й :

Акта, иди, иди, не волнуйся - сегодня она меня не отравит.

Испуганная Акта с блестящими от слез глазами появляется из-за полога кровати и быстро выбегает из спальни.

А г р и п п и н а :

И это император! В этом доме опять проводит ночи со шлюхой!

Л ю ц и й :

Я её люблю и она моя жена.

А г р и п п и н а :

Именно! Если бы это был хоть весь публичный дом – так не страшно. Но она рабыня, а ты спишь с ней, как с женой.

Л ю ц и й :

Она не рабыня! Она вольноотпущенница.

А г р и п п и н а :

Ой, давно? А на трон ты тоже с ней взойдёшь?

Л ю ц и й :

Да.

А г р и п п и н а :

Она – рабыня, а ты – позоришь меня.

Л ю ц и й :

И на трон она пойдёт со мной, и в могилу. Только попробуй устроить с ней одну из своих каверз. В тот день, когда я похороню её пепел, я приму яд.

А г р и п п и н а *(притворно меняя тон)*:

Зачем ты так, сын? Я ведь только против того, что бы ты страдал, и поверь, что она принесёт тебе только одни страдания. Ты ведь теперь принадлежишь к роду Юлиев-Клавдиев! Ты должен чувствовать ответственность.

Л ю ц и й :

Оставь. Я не император, я – актёр. В нашей семье актёр – я. Император – ты. Понадобится отравить меня, отравишь. Понадобится лаской купить – купишь.

А г р и п п и н а :

Да. Император – я! Когда с сестрой мы была в изгнании, мы целыми днями ныряли, что бы достать под водой ракушек и губок, которых потом на рынке меняли на горсть еды. Как ты

думаешь, о чем я думала, когда ныряла? Я думала о том, что сделать, что бы добыть этот титул! Ты должен понять это. Ты жил в это время у отца и не голодал.

Л ю ц и й :

Я ненавижу дядю за это!

А г р и п п и н а :

Смерть дяди приблизила тебя к трону на один шаг. Пусть мой брат убил многих вокруг меня, пусть сослал, запретив всем меня кормить, что бы я умерла с голода в изгнании, но я ждала своего времени, я сама добывала еду и ждала, что бы все они назвали тебя принцепсом! А ты сейчас все ещё ребёнок, который просто ищет грудь.

Л ю ц и й :

Ты что, хорошо относишься к брату?

А г р и п п и н а :

Не в нем дело – его убили. Дело в том, что каждый раз, как я всплывала на поверхность, я видела тебя императором!

Л ю ц и й :

Я...

А г р и п п и н а :

Что, тебе не хватает женщин? Хочешь, я найду тебе лучших проституток? Спи со всеми, но не люби! Запомни, любовь это слабость и непозволительная вещь, когда ты собираешься стать великим. Любовь – это участь рабов и шлюх. Ты можешь спать хоть и с ней, но не люби! Не люби! Мораль Рима презирает любовь в браке!

Л ю ц и й :

Можно заключить с ней брак?

А г р и п п и н а :

Не придирайся к словам. Об этом не может быть и речи! Ты стал наследником великого рода, так соответствуй ему. Забудь эти свои артистические фантазии.

Л ю ц и й :

Да, мой отчим усыновил меня.

А г р и п п и н а :

Усыновил... А ты знаешь, сколько я сделала, что бы это «усыновил» состоялось?

Л ю ц и й :

Да, представляю! *(Распевается после сна)* «Гнееев, гнееев...».

А г р и п п и н а :

Я пока ещё говорю с тобой – не смей петь!

Л ю ц и й *(продолжает петь):*

«Богиня, воспой Ахилле ...».

А г р и п п и н а :

Бездарный актёр! И это мой сын!

Л ю ц и й :

А что я должен? Как говорят твои астрологи и оракулы? Как хочешь? Может быть, задушить тебя? Или хочешь, я стану Орестом? Он ведь убил свою мать.

А г р и п п и н а :

Ты глуп и ты не достоин своей судьбы. Я с самого начала, когда астрологи сказали мне про этот выбор, знала ответ. Знала ради своей крови, ради тебя!

Л ю ц и й :

Но это – страшно. Если я стану императором – почему я должен убивать тебя? Это жестокое пророчество. Взошёл на престол, а

там... Ведь все мы подчинены судьбе. *(поёт)* «Кровь на руках моих уснула, высохла. Вины поблекли пятна. Мой позор избыт.»

А г р и п п и н а :

Не смей петь - я говорю с тобой!

Л ю ц и й *(продолжает петь)*:

«Избыт. А был он свеж, когда пред храмом Фебовым кровь матери я кровью отмывал свиной.»

А г р и п п и н а :

Ты должен уважать меня!

Л ю ц и й :

А может быть не Орестом, может быть Эдипом? Хочешь Эдипом?

А г р и п п и н а :

Фигляр.

Л ю ц и й *(поёт)*:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!»

А г р и п п и н а :

Дерзкий фигляр!

Л ю ц и й :

Я актёр.

А г р и п п и н а :

Актёр, но бездарный!

Л ю ц и й :

Не тебе судить о таких вещах.

А г р и п п и н а :

Люций, но почему ты упорствуешь? Чем не нравится тебе Октавия?

Л ю ц и й :

Она холодна, как лёд.

А г р и п п и н а :

Она не шлюха, а тебе не веселиться с ней нужно – просто сделай наследника.

Л ю ц и й :

А меня куда? Ты уже собралась делать следующего императора?

А меня куда денешь?

А г р и п п и н а :

Отдам в публичный дом.

Л ю ц и й :

Спасибо и на том. Там, по крайней мере, хоть и не бесплатно, но все-таки любят. А с Октавией не получится, наверное, вовсе...

А г р и п п и н а :

Какая разница. В ней течет великая кровь!

Л ю ц и й :

Великая... Неделей раньше я ходил смотреть, как покрывали кобылицу Вату. Говорят – она потомок самого Буцефала!

А г р и п п и н а :

А ты и там успел! Не сам ли?

Л ю ц и й :

Да что ты! Я к коням Александра Великого ни когда не принадлежал.

А г р и п п и н а :

Ты все шутишь, но даже не представляешь, сколько сил я приложила, что бы сделать тебя императором!

Л ю ц и й :

Постой, я ценю это! Цезарь Август – мой кумир и я пойду на все, что бы быть к нему ближе.

А г р и п п и н а :
Ты согласен?

Л ю ц и й :
Я когда-нибудь был неразумен?

А г р и п п и н а :
Ты всегда был упрям.

Л ю ц и й :
Упрям... А знаешь, какой красавец жеребец покрывал Вату? Он вороной, а на лбу, прямо между глаз, белое пятно, как капля или нефритовая подвеска!

А г р и п п и н а :
Не уходи от ответа!

Л ю ц и й :
Я и не думал. Я просто размышлял над тем, догадывался ли он, когда утром его взнуздывали, что в обед его подведут к самой красивой лошади во всей вселенной.

А г р и п п и н а :
Ты не конь, а – император!

Л ю ц и й :
Это похвала мне или хула на Октавию?

А г р и п п и н а :
Наверное – похвала, а хулить Октавию и не думала.

Л ю ц и й :
А я думал, что ты хочешь сказать, что коню повезло больше чем мне.

А г р и п п и н а :

Кони не владеют миром. Ты – человек и сможешь обо всем с ней договориться. Она на удивление разумна и рассудительна. С ней можно обсуждать любые темы.

Л ю ц и й :

А Вату можно?

А г р и п п и н а :

Скорее всего – да.

Л ю ц и й :

Тогда – женюсь и буду говорить с ней о Вате.

А г р и п п и н а :

Говори, только – в постели.

Л ю ц и й :

Я согласен – договорись с ней.

А г р и п п и н а :

Это твоё решение или это твоя очередная шутка?

Л ю ц и й :

Наверное, я повзрослел за этот разговор с тобой.

А г р и п п и н а :

Ты женишься на Октавии?

Л ю ц и й :

Я женюсь на Октавии.

А г р и п п и н а :

Я рада твоему благоразумию. Тогда спешу сделать должное.

*Агриппина уходит. Люций сидит с ошумевшим видом. Через некоторое время опасно
заглядывает Акта*

А к т а:

Убедившись, что Агриппина ушла, она входит.

Л ю ц и й:

Над нами сгущаются тучи, Акта! Как они меня тяготят! Что делать нам?

А к т а:

Что тебе сказала твоя мать?

Люций начинает петь, а после плачет.

Л ю ц и й:

Акта! Моя милая, маленькая Акта! Мы умрём! Мы все умрём! Я не переживу твоей смерти, я покончу с собой!

А к т а:

Не говори глупости, Люций.

Л ю ц и й:

Все будет хорошо, ты женишься, а я всегда буду с тобой.

Л ю ц и й:

На тебе?

А к т а:

Нет..., но я буду рядом.

Л ю ц и й:

Я убью себя.

А к т а:

А мне тогда будет очень больно.

Л ю ц и й:

Мы умрём вместе.

А к т а :

Не надо об этом. Я знаю, что так не будет. Ну, отвлекись от этих дум, иди ко мне.

Влюблённые обнимаются.

Сцена 2

Кабинет во дворце императора.

С и м п а т и к :

Приветствую тебя, Император!

Л ю ц и й :

Ты – мой секретарь, и твоя должность обязывает хранить мои секреты.

С и м п а т и к :

Я всегда храню их.

Л ю ц и й :

Сегодня у меня необычное задание. Ты должен мне найти человека.

С и м п а т и к :

Как его имя?

Л ю ц и й :

Не знаю.

С и м п а т и к :

Кто он?

Л ю ц и й :

Я и этого не знаю.

С и м п а т и к :

Как же мне найти?

Л ю ц и й :

Подумай немного. Этот человек – понтифик. Понтифик новой жреческой коллегии.

С и м п а т и к :

Я попробую найти его.

Л ю ц и й :

Я не хочу слышать этого! Ты должен найти его. Мне нужен он, а не твои пробы сил.

С и м п а т и к :

Я найду его, Император.

Л ю ц и й :

Он принадлежит новой религии. Но в Риме она уже появилась. Их бог был ещё недавно живым.

С и м п а т и к :

Это возможно.

Л ю ц и й :

Что ты понимаешь! Я ещё не встречал таких богов.

С и м п а т и к :

Божественный Юлий и Божественный Октавиан признаны богами.

Л ю ц и й :

Да, это так. Я люблю и преклоняюсь перед Октавианом Августом! Но подобного я ещё не слышал. И хочу узнать все про эту религию. Так вот, во время царствования императора Тиберия, за несколько лет до моего рождения, он был казнён в одной из наших провинций. А сейчас ему поклоняются, как живому. Они сейчас в Риме.

С и м п а т и к :

Мне кажется, что я начинаю понимать. Но известно про них лишь немного. Император, ты говоришь о христианах?

Л ю ц и й :

Ты правильно догадался. Мне нужно найти главного понтифика их коллегии.

С и м п а т и к :

Я не слышал, что у них вообще есть коллегия. Мне кажется, что они вообще ещё не организованы. Ведь этой вере ещё так мало лет.

Л ю ц и й :

Мне нужно знать больше. Найди мне их главу. Организуй встречу. Не угрожай. Будь крайне любезен с ними. У них должно сложиться обо мне хорошее впечатление.

С и м п а т и к :

Слушаюсь. Мне идти исполнять приказ?

Л ю ц и й :

Иди. Нет! Стой! Слушай меня: он не должен знать нас. Я - просто знатный и богатый горожанин, а ты - не мой секретарь.

С и м п а т и к :

Я понял это.

Л ю ц и й :

Иди.

С и м п а т и к :

Да здравствует Цезарь!

Л ю ц и й :

Стой!

С и м п а т и к :

Я слушаюсь, Цезарь.

Л ю ц и й :

Не испугай их своей просьбой.

С и м п а т и к :

Я буду предельно аккуратен.

Л ю ц и й :

Иди, исполняй!

С и м п а т и к :

Да здравствует Цезарь!

Л ю ц и й :

Стой! Встречу организуй не во дворце и не в моем доме.

С и м п а т и к :

Я знаю один потаённый портик на пути к Тибру. Подойдёт ли он?

Л ю ц и й :

Да, да... Иди...

С и м п а т и к :

Да здравствует Цезарь!

Симпатик прощается, но не уходит.

Л ю ц и й :

Если им нужны деньги – узнай и скажи мне.

С и м п а т и к :

Я все так исполню.

Л ю ц и й :

И быстрее!

С и м п а т и к :

Да здравствует Цезарь!

Сцена 3

Портик на улице. На скамейке сидит Люций, закутанный в тонкий плащ, и скрывает свое лицо. Входит Тимофей в рваном плаще.

Т и м о ф е й :

Это ты искал встречи со мной?

Л ю ц и й :

Я благодарен, что такой досточтимый человек откликнулся на мою просьбу. Я очень интересуюсь вашим учением и хочу пройти его все.

Т и м о ф е й :

Из того, что я услышал, мне кажется, что меня с кем то попутали.

Л ю ц и й :

Ты - Тимофей, понтифик Христа.

Т и м о ф е й :

Я - Тимофей, но не понтифик, я - просто человек.

Л ю ц и й :

Хорошо, я могу назвать тебя как угодно. Но я хочу узнать многое и на многое готов.

Т и м о ф е й :

Но кто ты? Как мне называть тебя?

Л ю ц и й :

Называй меня Филоменом. Я бываю полезным.

Т и м о ф е й:

Но что я могу сделать для тебя, Филомен?

Л ю ц и й:

Я слышал о вашем божестве. Мне хотелось бы узнать гораздо больше. Гораздо больше!

Т и м о ф е й:

Каждое твоё слово постоянно говорит мне, что ты меня с кем-то путаешь. Рим ничего не знает об этом. Я и сам о чем-то мало знаю.

Л ю ц и й:

Поэтому и я мало знаю о чем-то. А это «что-то» я и хочу узнать.

Т и м о ф е й:

Но для этого нужно отдать всего себя без остатка.

Л ю ц и й:

Я понимаю. Все мои силы, возможности, деньги я отдам за это!

Т и м о ф е й:

Ты не понял. Я говорил совершенно не о деньгах.

Л ю ц и й:

А о чем? Вам нужна официальная коллегия, но это также делают деньги.

Т и м о ф е й:

Нет. Ни денег, ни коллегии нам не нужно.

Л ю ц и й:

Пойми меня – я куплю любые посвящения!

Т и м о ф е й:

У нас нет ни каких посвящений. И тайн нет. Лишь одна тайна есть у каждого человека, но открыть её для себя может только он сам.

Л ю ц и й :

Но чему же ты учишь других, если у вас нет тайн?

Т и м о ф е й :

Это трудно сказать просто. Я вообще думаю, что ты зря считаешь, что я учу чему-то.

Л ю ц и й :

Твоё бескорыстие меня поражает. Но ведь деньги дают очень много. Причём не обязательно только каких-то услад телу, вроде целого плаща!

Т и м о ф е й :

Целого плаща... Тебя смущает мой старый плащ?

Л ю ц и й :

Я могу дать очень много, из чего плащ – ничтожная мелочь!

Т и м о ф е й :

Я недавно в Риме. Мне ещё не удалось обзавестись более хорошей одеждой.

Л ю ц и й :

Вот видишь! Твои слова вселяют в меня надежду. Ты знаешь, что одежда бывает как плохая, так и хорошая. А я могу достать хорошую одежду, вкусную еду, сладкое вино, хороший дом, высокий статус, уважение и почитание!

Т и м о ф е й :

Ты так многого не понимаешь... Ты смотришь только на мой плащ, а что внутри меня не видишь.

Л ю ц и й :

Но я ведь хочу узнать! Позволь мне сделать много для вас. Мои деньги, мои возможности могут сделать многое.

Т и м о ф е й :

У тебя такие руки, что ты не в поле работаешь.

Л ю ц и й :

Нет, не в поле.

Т и м о ф е й :

А кто ты?

Л ю ц и й :

Актёр.

Т и м о ф е й :

Актёр? Но перстни на твоих руках актёру не купить.

Л ю ц и й :

А я - придворный актёр.

Т и м о ф е й :

Ты знаешь, что мы не очень любимы в народе. Тебя это не страшит?

Л ю ц и й :

Кого мне бояться? Цезаря?

Т и м о ф е й :

Может быть и его. Но в первую очередь себя самого. А если эта нелюбовь и твоя тоже?

Л ю ц и й :

Я ведь пришёл за помощью! Я хочу знать очень многое и решить многие мои вопросы о жизни.

Т и м о ф е й :

Это желание достойно человека. Но я не знаю, насколько ты готов к этому?

Л ю ц и й :

Как мне доказать тебе это?

Т и м о ф е й :

Докажи это себе - это труднее будет сделать. А я поверю
многому.

Л ю ц и й :

Но твоя одежда порвана. Позволь мне помочь.

Т и м о ф е й :

Твоё внимание говорит о том, что ты любишь богатство. Ведь ты
заметил дыру на моем плаще.

Л ю ц и й :

Но ведь ты также заметил перстни на моих руках. И, получается,
что это одно и то же.

Т и м о ф е й :

Знаешь, ты заметил очень важное. Я благодарен тебе за это.
Увидеть свою ошибку - это большая ценность. Получается, что и я
корыстолюбив.

Л ю ц и й :

Позволь мне ещё встретиться с тобой. Мне хочется узнать многое.

Т и м о ф е й :

Я ни от кого не скрываюсь. Когда мы можем встретиться?

Л ю ц и й :

Не затрудняй себя этим - я сам найду тебя, Тимофей.

Т и м о ф е й :

Ты пришлешь ко мне своего друга, что договаривался сейчас о
встрече?

Л ю ц и й :

Да, придёт он.

Т и м о ф е й:

До свидания, Филомен.

Л ю ц и й:

Я буду ждать нашей будущей встречи!

Тимофей уходит. В портик входит прятавшийся поблизости Симпатик.

Л ю ц и й:

А ты уверен, что это действительно самый верховный их понтифик?

С и м п а т и к:

В Риме – да.

Л ю ц и й:

Он не сказал мне ни чего. Чего они вообще хотят? Я обещал горы золота, официальное признание понтификата, практически – место в пантеоне! Меня не пустили в посвящение даже самой первой степени! Я прошёл длинную череду посвящений Изиды и стал одним из их посвящённых. Я изучаю учение Митры. Но всего этого оказалось мало! Что нужно ему? Может быть он подослан моими врагами?

С и м п а т и к:

Я не думаю. Он лишь недавно приехал в Рим, а такие вещи так быстро не делаются.

Л ю ц и й:

Его глаза смотрят на тебя, как будто... как будто ему про меня все понятно. Ты не проговорился про меня?

С и м п а т и к:

Нет, я прилагал все силы к сохранению тайны.

Л ю ц и й :

Да. Он действительно не был настолько спокоен, знай, кто я есть.

С и м п а т и к :

От меня не было про это не одного слова. Император, солнце светит уже очень ярко – грим потёк. Он был практически невиден. А сейчас стал заметен.

Л ю ц и й (вытираясь):

Нет, он маг! Он почувствовал мою суть. Мне нужно будет его опасаться.

Сцена 4

Комната Акты. Акта задумчиво смотрит в угол комнаты. Входит Марк.

А к т а :

Здравствуй мой единственный друг! Я так хотела увидеть тебя сегодня!

М а р к :

Здравствуй и ты, Акта

А к т а :

Что тебя так взволновало?

А к т а :

Я не знаю... не могу сказать точно... Я практически ни когда не вижу снов. Меня в них встречали бы, наверное, лишь демоны. И сегодня я видела их.

М а р к :

Демонов?

А к т а :

Наверное – да. Мне приснилось, что Октавия подводит Люция к краю пропасти, после чего он прыгает сам вниз. Я подбегаю к краю, смотрю туда, но ничего не вижу. После этого

оборачиваюсь на Октавию, но её нет, а на её месте какой-то мне неизвестный старик, который плачет и подходит также смотрит со мной в пропасть.

М а р к :

То, что ты увидела Октавию – более чем понятно. Нерон объявил о браке с ней. Ты ревнуешь?

А к т а :

Ревность – это не моё чувство. Я не имею на него прав. Потом этот мужчина пропал, а на его месте появились... мои отец и мать. Они обнимали и нянчили меня. Я чувствовала себя маленькой девочкой, которая потеряла свою любимую игрушку. Я сейчас их уже практически забыла... А может быть – предала. Они прыгнули в пропасть за Люцием.

М а р к :

Ты очень боялась этой пропасти?

А к т а :

Нет! Потом я захотела прыгнуть в нее за ними вслед, но меня остановил этот старик, который опять появился за моей спиной. Я рвалась в пропасть, а он держал меня очень сильно... Что придумал Нерон? Ты должен знать. С кем он ходит встречаться? Почему он тайно советуется с Симпатиком? Я так боюсь за него!

М а р к :

Я не слышал ни чего про это. Император ведь часто говорит с ним. Он его секретарь.

А к т а :

Но я не видела раньше снов. А сейчас сон набросился на меня как лев и не оставил ни одной возможности спасения. И... меня во сне пытались спасти. Этого я понять не смогла вовсе. Меня нежно обнимала... Агриппина.

М а р к :

Её нельзя заподозрить в хороших чувствах к тебе, Акта.

А к т а :

Она отнимала меня у старика и уверяла его, что моя воля должна быть исполнена, а он уверял, что я просто боюсь чего-то. А чего – я не поняла во сне.

М а р к :

Это тревожный сон. Морфий – ненадёжный советник.

А к т а :

Я боюсь его перторианца! Секст предаст Люция! Он так много знает, Император все рассказывает ему. Иногда мне кажется, что он всегда смотрит из-за его плеча.

М а р к :

Я не очень знаю Секста. А Нерон знает о твоих сомнениях?

А к т а :

Знает. Он говорит, что Секст уже достаточно доказал свою преданность и что он исполняет все желания.

М а р к :

Но не все желания можно исполнять. Некоторые нужно было бы избежать.

А к т а :

Он не хочет отказываться ни от одного, а Секст помогает ему в этом. Сейчас он что-то задумал. Симпатик сказал мне по секрету, что он искал для него одного жреца. Ты что ни будь знаешь об этом? Люций стал какой-то странный.

М а р к :

Нерон всегда интересуется религией. Но почему тебя это волнует?

А к т а :

Я чувствую, что он пытается узнать что-то важное. Такое было ещё, когда он ходил в церковь Изиды.

М а р к :

Но он туда ведь сейчас больше не ходит?

А к т а :

Нет, не ходит. Меня волнует, что он начал вести себя как актёр, ну или как разведчик. Он мажет лицо гримом, надевает покрывала на голову. Я однажды его даже в первое мгновение не узнала.

М а р к :

Может быть, это дал ему брак?

А к т а :

Не знаю. Может быть, но мне кажется, что он его даже не заметил. Как Октавия не замечает меня, так и Люций просто не замечает брак.

М а р к :

Может быть, Октавия ревнует к тебе?

А к т а :

Не думаю. Я стою слишком ниже её... У меня нет рода, нет семьи, родителей. Я просто рабыня, на которую не нужно просто обращать внимание.

М а р к :

Но, по-моему, ты ошибаешься. Она в тайне завидует тебе. Твоему влиянию на Цезаря.

А к т а :

Влиянию?! Разве я хоть чуточку влияю на него?

М а р к :

Ещё бы! Одно твоё слово, одно прикосновение руки может успокоить любую его тревогу. Ты бы его могла водить по городам просто на узде!

А к т а:

Ты говоришь странные вещи. Я вообще не чувствую этого.

М а р к:

Другая женщина, обладай она твоими способностями, давно бы властвовала целым миром!

А к т а:

Что ты, я ведь просто рабыня!

М а р к:

Что же из этого? Вот его дядя сделал коня членом Сената.

А к т а:

Мне страшно... его ведь убили. Калигулу убили преторианцы, такие же, как Секст.

С е к с т:

А Люций стал в этом году императором. Теперь у него есть свой Секст, который уже запас меч для него.

М а р к:

Ты не любишь Секста.

А к т а:

Я его боюсь.

М а р к:

Но ты влияешь на Императора. Обладай Октавия твоими возможностями, она уж давно бы властвовала всей вселенной!

А к т а:

Что же, может быть. Но я – проклятый человек. Я предала своих родителей, свой народ, свою страну. Я полюбила того, кто пленил меня. И люблю его больше себя, больше всего мира!

М а р к :

Октавия не смогла родить ребёнка. Если бы родила ты, тогда Нерон был бы полностью твой. Он заставил бы всех забыть то, что ты вольноотпущенница.

А к т а :

Я не могу, Люций.

М а р к :

Я хотела бы родить, всей душой! Хотела бы, но не могу.

М а р к :

Жаль, но в этом вы с Октавией похожи. А может быть...

А к т а :

Молчи! Марк, молчи! Даже за такие слова, даже за мысли тебя могут убить!

М а р к :

Ты знаешь мои мысли?

А к т а :

Император не может быть бесплодным. Это будет опасно даже для его жизни. Наследника ждут все.

М а р к :

Знаешь...

Входит Симпатик.

С и м п а т и к :

Обсуждаете Императора?

М а р к:

Ты хочешь присоединиться?

А к т а:

Здравствуй, Симпатик.

С и м п а т и к:

Могу ли я вам верить?

М а р к:

Ты сейчас уж больно в веселом настроении. С чего бы это?

С и м п а т и к *(серьезно)*:

А с того, что я должен быть уверенным, что это не будет рассказано где-то еще.

М а р к:

Закройся у себя в спальне и расскажи кровати. Тогда тайна будет соблюдена.

С и м п а т и к:

Ты дразнишь меня, Марк! Я понимаю, что ты выше нас по рождению, но я хочу просить именно тебя.

М а р к:

А Акта не подойдет?

С и м п а т и к:

Сходите вместе.

М а р к:

Куда это?

С и м п а т и к:

Одна из новых церквей проводит встречи. Сходите и узнайте про неё все.

М а р к:

А ты сам не пойдёшь?

С и м п а т и к :

Мне уже нельзя. Их главный понтифик меня видел. Но они не должны знать про вас ничего. Имя Императора забудьте.

А к т а :

А это не опасно?

С и м п а т и к :

Нет, не волнуйся. Они мирные, просто говорят. Даже их обрядов ни кто не видел.

М а р к :

Что-то здесь не так.

С и м п а т и к :

Ты умный человек. Все хорошо понимаешь. Про эту церковь нужно знать все.

А к т а :

Хорошо, Симпатик, мы сходим.

М а р к :

Где-то в глубине души у меня как гвоздь забит. Я в углах твоих глаз чувствую какой-то подвох. Рассказывай!

С и м п а т и к :

Как ты хорошо видишь глаза! В этой церкви ты можешь встретиться с одним своим рабом.

М а р к :

Ты знаешь, что у меня не осталось уже больше рабов. Кого-то отпустил, кого то забрали за долги.

С и м п а т и к :

Вот видишь, мы стали с тобой почти равней. Мы с Актой были рабами, а ты был патроном. Ключевое слово «были».

М а р к :

Так с кем, я смогу встретиться, ровня?

С и м п а т и к :

С Нотой. её муж член этой церкви.

Марк поражён. Проходит некоторое время, пока он справляется с известием.

М а р к :

Зачем я нужен тебе?

С и м п а т и к :

Не мне. Это не моя просьба.

А к т а :

А кто ещё знает этот секрет?

М а р к :

Я понимаю - кто. Но почему он сам не пойдёт к ним?

М а р к :

Он встречался с их главным понтификом. Правда, инкогнито. И ещё будет встречаться.

А к т а :

Так вот перед кем Люций мазался гримом!

С и м п а т и к :

Марк, есть возможность, что Нота расскажет какие-то секреты именно тебе.

М а р к :

А если любовь проросла ненавистью?

С и м п а т и к :

Это правда?

М а р к :

Нота приблизила меня к Нерону.

С и м п а т и к :

Нерон знает Ноту?

М а р к :

Нерон знает меня.

С и м п а т и к :

Так ты сможешь исполнить просьбу?

М а р к :

Мне хочется увидеть ее. Не волнуйся, я солдат и смогу справиться какой-то любовью, особенно если есть такая просьба.

С и м п а т и к :

Я рад слышать это. Позже я скажу, когда будет встреча. ещё встретимся. Акта, пойдём – Нерон хочет видеть тебя.

Симпатик и Акта уходят.

М а р к (тихо, вдогонку):

Смогу справиться...

Сцена 5

Портик на улице. Входит Тимофей.

Т и м о ф е й :

Здравствуй, Филомен! Ты захотел встретиться со мной ещё раз?

Л ю ц и й :

Мне нужно узнать очень многое. Мне нужно узнать эту тайну.

Т и м о ф е й:

Ты все хочешь узнать тайну, только её ведь не существует. Все просто и известно.

Л ю ц и й:

Но ведь знания доступны не всем людям.

Т и м о ф е й:

А ты хочешь обменять деньги на них?

Л ю ц и й:

Хочу и хорошо знаю о возможности этого.

Т и м о ф е й:

Ты ошибаешься, это будет не истиной, а её иллюзией.

Л ю ц и й:

Но ведь деньги – это просто один из способов достижения истины.

Т и м о ф е й:

Ты все ещё так думаешь. Бывает, что истина берет себе деньги, но не бывает, что бы деньги брали себе истину. Мне не хочется говорить о деньгах – они для меня незначащи.

Л ю ц и й:

Но сегодня ты в целой одежде, а я, смотри, – без перстней.

Т и м о ф е й:

Ну что же, мы немного приблизились друг к другу.

Л ю ц и й:

Мы будем сближаться и далее. Мне надо задать так много вопросов!

Т и м о ф е й:

Я был бы рад уметь ответить на них.

Л ю ц и й :

Я слышал о том, что вы знаете, как достигнуть вечной жизни?

Т и м о ф е й :

А что ты понимаешь под этим словом?

Л ю ц и й :

Жизнь – возможность реализации своих желаний, а вечная – это отсутствие смерти.

Т и м о ф е й :

Ты думал над этим раньше? Довольно лаконично, я думал, что ты обдумаешь этот вопрос.

Л ю ц и й :

Но мне хочется знать больше! Я уже говорил тебе – у меня есть возможность практически неограниченной помощи.

Т и м о ф е й :

Мы можем рассказать тебе все наши тайны, но для этого деньги не нужны. Нужно что-то совершенно другое, большее и важное.

Л ю ц и й :

Но ведь это большее и важное также можно узнать?

Т и м о ф е й :

Узнать – нет. Нужно – быть.

Л ю ц и й :

Да, да я понимаю.

Т и м о ф е й :

Это хорошо, потому что я сам этого до конца не могу понять.

Л ю ц и й :

Но может ли человек достигнуть вечной жизни?

Т и м о ф е й:

Нет.

Л ю ц и й:

А может ли человек воскреснуть?

Т и м о ф е й:

Может... только для этого нужно умереть.

Л ю ц и й:

Да, да я понимаю.

Т и м о ф е й:

А по-моему – нет. Понять это исходя из двух моих слов невозможно. Скорее всего, это вообще из слов понять невозможно.

Л ю ц и й:

Я готов на любые посвящения!

Т и м о ф е й:

Ты все хочешь купить что-то. А мы можем рассказать и бесплатно. Ты думаешь, бесплатно будет хуже?

Л ю ц и й:

Но могу ли я просто помочь вам?

Т и м о ф е й:

Что-то говорит мне, что за эту помощь, ты будешь чего-то ожидать.

Л ю ц и й:

Но как ещё мне доказать свое благое расположение?

Т и м о ф е й:

Доказывать нужно в суде. А здесь нужно просто быть.

Л ю ц и й :

Но я хочу узнать!

Т и м о ф е й :

Что же ты хочешь узнать? Я так до сих пор не понял этого. Мне кажется, что ты просто боишься чего то. Боишься так сильно, что все твои силы уходят на то, что бы скрыть это. Чего ты боишься?

Л ю ц и й :

Я боюсь невежества.

Т и м о ф е й :

А я боюсь лжи. Ты просто прячешься за красивыми словами, а не самом деле – ты боишься смерти.

Л ю ц и й :

Почему ты так решил?

Т и м о ф е й :

Ты у меня спрашивал про это много раз. Но ты не волнуйся, твой страх понятен и свойственен всем. Только победить его заклинаниями и пением хором нельзя. И у меня нет ни какого чудесного ответа.

Л ю ц и й :

Но можно ли стать одним из вас?

Т и м о ф е й :

Можно, только сможешь ли ты измениться для этого? Мне кажется, что ты тебе это будет сделать очень трудно.

Л ю ц и й :

Я смогу. Я приложу к этому все свои возможности!

Т и м о ф е й :

Мне кажется, ты опять все сводишь к возможностям, а под ними мне видятся деньги. Я говорил не о них. Мы с тобой говорим, будто на разных языках.

Л ю ц и й :

Мы говорим на одном языке. А по поводу моего страха ты ошибаешься. Смерти я не боюсь. Я боюсь того, что мои желания останутся неисполненными. То, что все это пропадет вместе со мной, с моей смертью.

Т и м о ф е й :

Ты гордый человек. Почему ты решаешь, что основная ценность в жизни человека – его желания? Разве человек не ошибается в первую очередь именно в своих желаниях? Проходит буквально мгновение, и желания превращаются в какие-то смешные или страшные театральные маски.

Л ю ц и й :

А разве это не так? Разве через них человек не показывает себя?

Т и м о ф е й :

Да. Но на многих смотреть страшно. Но что ты хочешь узнать?

Л ю ц и й :

Я хочу узнать тайну вечной жизни. Я смогу принять её и упрочить.

Т и м о ф е й :

Ты говоришь об этом как о чем-то практическом и утилитарном. Я слышу про это уже не первый раз. Про такие вещи узнаешь в конце пути. А потом просто понимаешь, что целью был как раз именно сам путь, то, что ты дошёл куда-то.

Л ю ц и й :

Я хочу пройти весь путь, что бы это мне не стоило!

Т и м о ф е й :

А мне кажется, что последнее слово опять подводит. Ты хочешь пройти путь, а не изменить себя.

Л ю ц и й :

А разве этот путь не ведет к изменению себя?

Т и м о ф е й :

Только смерть – часто шаг такого изменения. Я не могу сказать точно, но, кажется, ты ищешь что-то не то.

Л ю ц и й :

Ты прав. Я слишком тороплив. Так быстро это не делается. Пройдёт время, и мы познакомимся ближе. Ты узнаешь меня ближе и не станешь более опасаться.

Т и м о ф е й :

Опасаться? Я не боюсь тебя. Страх скорее – твоя проблема.

Л ю ц и й :

Но я хочу справиться с ним! Я сделаю все, что бы уничтожить его.

Т и м о ф е й :

Но он только показывает, куда идти. Это просто надпись на дороге. Если уничтожить надпись, путь от этого не изменится.

Л ю ц и й *(напряжённо подумав)*:

Мне кажется, что я понимаю тебя.

Т и м о ф е й :

А по-моему – нет. Понять это в такой встрече нельзя. Тут нужно жизнь прожить.

Л ю ц и й :

Ты встретишься со мной ещё раз?

Т и м о ф е й :

Я никогда в этом не отказываю. Здоровья тебе, Филомен!

Л ю ц и й :

Я пришлю также к тебе моего человека?

Т и м о ф е й :

А ты сам не можешь прийти ко мне? Или на встречу приходите вдвоём с ним.

Л ю ц и й :

Мне так часто не хватает времени! Мой друг просто помогает мне. Но он не хочет бывать на них, а я не могу его заставлять его в этом.

Т и м о ф е й :

Хорошо. Ты можешь найти меня.

Тимофей уходит. Входит Симпатик, тайно слушавший беседу.

Л ю ц и й :

Ты слышал нашу беседу?

С и м п а т и к :

Да.

Л ю ц и й :

Он мастерски молчит и прячется за слова. Он не хочет просто так продавать свою тайну.

С и м п а т и к :

Есть ли его тайна? Может быть, он говорит правду, что её просто нет?

Л ю ц и й :

Ты ни чего не понимаешь и не знаешь людей! Он – маг. Он мастерски защищает свою тайну. Так и нужно делать. Мне нужно, во что бы то ни стало, заслужить его доверие! Или узнать её ещё как-то.

С и м п а т и к:

Мне договорится о ещё одной встрече?

Л ю ц и й:

Пока - нет. Я думаю. Уйдем отсюда.

Сцена 6

Кабинет во дворце императора. Люций сидит в кресле, входит Секст.

С е к с т:

Император, у меня очень важные новости.

Л ю ц и й:

Что, Поппее нездоровится?

С е к с т:

Она может стать причиной твоей смерти, Цезарь.

Л ю ц и й:

Моей?! Я даже не думал, что её нужно бояться! Почему ты решил, что она угрожает мне?

С е к с т:

Не она. Она решительная и хитрая женщина. Твоя мать ревнует тебя к ней.

Л ю ц и й:

Ревнует? Это что-то новое. Неужели я вызываю такие чувства?

С е к с т:

Я не это хотел сказать, я хотел сказать, что твой брак с Поппеей безмерно усилит её роль в государстве. Она, также как и Агриппина, очень хочет получить престол в свои руки.

Л ю ц и й:

И что, поэтому Пoppея хочет убить меня?

С е к с т:

He Пoppея. Она не зашла ещё так далеко.

Л ю ц и й:

Ты думаешь, что в будущем это возможно и мне нужно опасаться уже сейчас?!

С е к с т:

Император, ты не понимаешь меня. Так далеко я не заглядываю, а совершившиеся события гораздо ближе.

Л ю ц и й:

Так объясни. Я стойкий человек и смогу выслушать все.

С е к с т:

Был задержан раб, который был послан отравить твою еду.

Л ю ц и й:

Как, я отравлен?!

С е к с т:

Нет. Раба задержали до того, как он успел сделать порученное.

Л ю ц и й:

Ты просто снял камень страха с моей души!

С е к с т:

Император, ты хочешь знать, чей это раб? Это раб Агриппины.

Л ю ц и й:

В чем он сознался?

С е к с т:

Он рассказал, что его послали отравить тебя, император. Тебя хотела отравить твоя мать.

Л ю ц и й :

Зачем? Я владею престолом. С моей смертью и она потеряет престол.

С е к с т :

Она боится, что, если ты вступишь в брак с Поппеей, то её собственного влияния больше не будет вовсе. И она надеется сделать наследником престола другого своего родственника.

Л ю ц и й :

Я даже знаю кого... Он будет смотреть ей в рот!

С е к с т :

Чем мы можем ответить на это?

Л ю ц и й (волнуется):

Подожди... мне нужно подумать.

Л ю ц и й :

Скажи, это точно была она?

С е к с т :

Да, она. Ошибки быть не может.

Л ю ц и й :

Раб сознался или вы получили его признание?

С е к с т :

Ну... сразу такие вещи не говорят. Но мои люди проверили все его слова. Все подтверждается.

Л ю ц и й :

Что же нам делать?

С е к с т :

Также действовать нам не получится. У нее очень много друзей. Все их попытки провалились. Она все время пьет противоядие.

Л ю ц и й :

Ты что – пробовал?

С е к с т :

Я получал приказ?

Л ю ц и й :

А если приказ будет?

С е к с т :

Я буду пытаться исполнить его.

Л ю ц и й :

Ведь это не в первый раз. Сколько раз я говорил тебе это?

С е к с т :

Четыре раза.

Л ю ц и й :

И хоть раз у тебя получалось?

С е к с т :

Нет.

Л ю ц и й :

А сколько раз это делала она?

С е к с т :

Не считая сегодняшнего – шесть раз.

Л ю ц и й :

Я должен защитить свою власть и для этого приложу все усилия и пойду на все.

С е к с т :

Слушаю Цезарь, что сделать мне?

Л ю ц и й :

Приведи мне толковых мастеров – мне нужно сделать корабль.

С е к с т :

Корабль?

Л ю ц и й :

Не удивляйся. Эта мысль сейчас пришла мне в голову. Я сделаю именно корабль и подарю ей. Его киль будет с секретом. Морская вода может растворить некоторые веревки, некоторые шпильки можно вынуть, клей может отлипнуть, покраска может оказаться плохой. Это будет хороший корабль.

С е к с т :

Она не должна выплыть?

Л ю ц и й :

Нет. Не должна.

Сцена 7

Люций сидит на кровати в комнате своего дома, на полу у его рук Акта.

Л ю ц и й :

Почему, почему, почему? Почему судьба так сурова ко мне? За что мне это?

Акта молчит и гладит его руку.

Я думал, что все будет хорошо, но мне не дают этого сделать! Я не виновен в этом! Не виновен!

Входит Симпатик.

С и м п а т и к :

Приветствую тебя, Император!

Л ю ц и й :

Я не виновен! Все это не из-за меня!

С и м п а т и к :

Император, ты звал меня.

Л ю ц и й :

Как мне сказать всем им об этом?

Симпатик, поняв, что ответа он не получит, садится на стул рядом.

Ведь это меня заставили! Она сама заставила! её проклятые халдеи! Что мне их пророчества! Но... она мертва!

С и м п а т и к (тихо, Акте):

Здравствуй, Акта.

А к т а :

Он давно так?

А к т а :

Здравствуй... давно...

Л ю ц и й :

Я плачу! Мне тяжело. Почему рок так суров? Почему он поставил меня в безвыходное положение?

С и м п а т и к :

Император, могу ли я помочь чем то?

Л ю ц и й :

Кто есть у меня теперь?! Кто чем может помочь мне?! Петь! Я хочу петь!

А к т а :

А что ты хочешь петь, Люций?

Л ю ц и й :

Моя душа поёт трагичную Илиаду! Как Патрокл я готов возить труп её убийцы за своим конём!

А к т а:

Может быть, тебе станет от этого легче...

Л ю ц и й (останавливаясь и удивляясь):

Возить труп?

А к т а:

Нет – петь.

Л ю ц и й:

У меня нет сейчас голоса. Я сорвал его плачем. Симпатик, пой ты!

С и м п а т и к:

Император, не заставляй меня оскорблять твой слух моим голосом.

Л ю ц и й:

Да, да... я помню, ты не поешь, ты пишешь. Напиши мне трагическую поэму! Нет, запиши то, что я буду сейчас плакать! Рабы, дайте мне воды, я хочу умыться!

Люций выходит. Симпатик начинает раскладывать на стоящем рядом столе письменные принадлежности.

А к т а:

Здравствуй, Симпатик.

С и м п а т и к:

Мои слова и мысли сейчас сожжены этим горем.

С и м п а т и к:

Нерон так чувствителен.

А к т а:

Скажи, а он сам убил Агриппину?

С и м п а т и к *(оглядываясь и приглушая голос)*:

Да, сам. Он послал солдат.

А к т а :

Тогда ему вдвойне тяжелее! Ты приготовился писать? Может быть, в таком состоянии он продиктует ещё один шедевр?

С и м п а т и к :

Да, я готов.

Возвращается Люций.

Л ю ц и й :

А если бы меня не заставили это сделать, то этого бы не было! Зачем это нужно было ей!

С и м п а т и к :

Император, я готов писать.

Л ю ц и й :

Что ты хочешь писать?

С и м п а т и к :

Трагическую поэму.

Л ю ц и й :

Выбрось эти мысли. Ты не Гомер, у тебя не получится. А я... я должен себя защищать!

С и м п а т и к :

Кто угрожает Императору?

Л ю ц и й :

Все! Все угрожают! Агриппина пыталась убить меня много раз. Она забыла, что я – её сын. Халдейские астрологи сказали ей, что если я стану императором, то убью ее. А если не стал бы, тогда не убил...

А к т а :

Люций, не будь императором!

Л ю ц и й :

Нельзя. Уже нельзя. Мать сделала все, что бы сделать меня императором, а потом захотела убить меня. И мне, что бы быть живым, нужно было убить её. И я – жив!

А к т а :

Люций, вот из-за чего ты страдаешь!

Л ю ц и й :

Выбор, мой жестокий выбор. Я или она. Я должен был вынуть своё сердце, что бы без него сделать выбор. Я любил ее, любил всегда. Не смотря на все жестокости. Но я научился от нее всему.

Л ю ц и й :

Сейчас в душе мрак, Коцит, а я хочу петь... все грустные песни, которые слышал.

С и м п а т и к :

Может быть, позвать актёров?

Л ю ц и й :

Я сам актёр. А ты кто? Ты ведь почти мой родственник, не предлагай отнять у меня желание!

С и м п а т и к :

Цезарь, я раб...

Л ю ц и й :

Был. Теперь вы свободны. Вы оба свободны. Акта, скажи хоть что ни будь!

А к т а :

Люций, мы твои рабы, мы преданны тебе до гроба!

Л ю ц и й :

Я тоже раб. Мои желания господствуют надо мной. Мне сказал про это один человек.

С и м п а т и к :

Может быть, позвать его?

Л ю ц и й :

Уходите! Уходите все! Я буду страдать один.

Люций ложится на кровать лицом вниз. Акта и Симпатик выходят.

Сцена 8

Комната в доме Люция. Люций лежит на постели. Входит Марк.

М а р к :

Да хранят тебя боги, Цезарь!

Л ю ц и й :

Зачем ты пришёл?

М а р к :

Мне не хочется быть тебе обузой... Позволь я уйду...

Л ю ц и й :

Нет. Останься. Мне страшно сейчас оставаться одному.

М а р к :

Я пришёл выказать соболезнование со смертью дочери.

Л ю ц и й :

Ко мне многие заходили с этим. Но как мало из них приходили с соболезнованиями! В основном все хотят показать мне себя, что они скорбят вместе со мной.

М а р к :

Мне действительно – жаль. Лишь недавно я поздравлял с рождением, а печальное время пришло так быстро.

Л ю ц и й :

Она жила лишь четыре месяца. Лишь четыре месяца я был счастлив. Лишь четыре месяца я забывал про все опасения и был другим... А у тебя есть дети?

М а р к :

Нет, Цезарь, нет.

Л ю ц и й :

И у меня также нет. Уже нет. Оставь меня в моей печали.

Марк выходит. Через некоторое время входит Акта.

А к т а :

Здравствуй, Люций!

Л ю ц и й :

А, Акта... Ко мне сегодня приходило так много людей. Всем хочется увидеть, как горе убивает императора.

А к т а :

Я искренна в своём чувстве. Мне жалко твою дочь.

Л ю ц и й :

Интересно, почему оно постигло именно меня? Ведь есть множество людей, у которых дети рождаются и живут, но лишь мне не доступно ни то ни другое.

А к т а :

Не печалься так, ведь Поппея тебе родит ещё много детей.

Л ю ц и й :

Моя умершая Августа! Я называл её в честь моего кумира – Октавиана Августа. Она – святая, но она ни чего не узнала в жизни... Если бы она только была жива!

А к т а:

Не убивайся так! Ведь жизнь намного сложнее, чем мы о ней думаем. Ведь даже сам Октавиан Август сослал так далеко свою родную дочь.

Л ю ц и й:

Не смей! Я говорю – не смей! Что ты можешь понимать своим маленьким умом в жизни великих!

А к т а:

Прости меня. Я не хотела задеть твоих чувств. Прости меня, а жизни – не бойся.

Л ю ц и й:

А ты, ты почему не родила мне ни кого? Я бы сделал его своим наследником, императором, продолжателем моего рода.

А к т а:

Мне жаль, что мои слова стали для тебя такими ранящими. Но теперь они вернулись ко мне обратно. Ты знаешь, что у меня не получилось... Но ведь если бы даже и получилось – то ни кто бы не признал за ним ни одного из прав. И его жизнь была бы невыносимой. Не ругай меня. Пoppея ещё сделает тебя счастливым.

Л ю ц и й:

Нет. Больше – нет. Даже если и родит мне сына – не сделает. Все уже отравлено ядом смерти моей дочери.

А к т а:

Люций, время лечит. Пройдут дни, месяцы, годы и ты забудешь сегодняшнюю боль.

Л ю ц и й :

И тебя?

А к т а :

И меня.

Л ю ц и й :

Мне не нужно такое время.

А к т а :

Выбирать время не в наших силах. Я буду с тобой столько, сколько мне позволит судьба. Мне кажется, что моё сердце имеет твоё лицо!

Л ю ц и й :

А ты никогда не замечала, как Пoppея похожа на Агриппину? Та же походка, та же осанка, даже лицо похоже. Единственное, о чем её мечты, это сделать своего сына императором. Для нее даже я сам перестану им быть. Когда родилась моя дочь, она расстроилась. Расстроилась моей дорогой Августе, что она не сможет назвать её Августом.

А к т а :

Тебе это не кажется? Как может мать быть не рада своему ребёнку?

Л ю ц и й :

Я тебе скажу больше – Августу убила Агриппина.

А к т а :

Но ведь Агриппина умерла уже четыре года назад.

Л ю ц и й :

Что за деликатность, так и говори «убита уже четыре года назад». А пока жила, она ненавидела Пoppею. Она чувствовала, как они были похожи друг на друга. Именно поэтому ненависть была

неизбежной. А потом, из-за грани Коцита, она отомстила мне.
Она убила ребёнка Поппеи, видя в нем меня самого.

А к т а:

Я не могу понять того, что ты говоришь.

Л ю ц и й:

Агриппина захотела, что бы её убили мечом в живот. Туда, откуда появился я. А теперь умерла моя Августа. Она захотела, что бы умерла память о моем рождении, а потом умертвила будущую память обо мне!

А к т а:

Цезарь, Агриппина мертва.

Л ю ц и й:

Я знаю, я чувствую, что она мстит мне! Как мне вернуть мою дочь?!

А к т а:

Это невозможно, любимый!

Л ю ц и й:

Обними меня, и я попробую своими слезами угасить хоть немного твою печаль.

Л ю ц и й:

Отойди от меня! Я думаю, я так напряжённо думаю, что мне делать.

А к т а:

Что можно здесь сделать... Поппея тебе ещё родит.

Л ю ц и й:

Нет! Никогда никого другого не будет! Есть только то, что есть.
Оставь меня, я должен думать!

Акта выходит.

Л ю ц и й :

Секст!

Входит Секст.

Л ю ц и й :

Секст, меня пытаются обмануть! Я не позволю этого!

С е к с т :

Цезарь, твоя дочь действительно мертва. В этом нет сомнений.
Тебя не обманывают.

Л ю ц и й :

Что ты говоришь?! Я не о ней. Она мертва, но я не хочу этого!

С е к с т :

Что я могу сделать?

Л ю ц и й :

Помнишь, того понтифика, с которым я встречался? Он скрыл от меня все. Он обладает тайной воскресения мёртвых тел.

С е к с т :

Я не слышал, что это возможно.

Л ю ц и й :

Он отказался раскрывать эту тайну для меня. Я обещал ему неслыханные деньги, но он не открыл мне ничего. Ты знаешь, что он мне сказал?

С е к с т :

Что, Император?

Л ю ц и й :

Он думал, что я глуп. Он сказал, что для воскресения нужно умереть. Он думал, что я пойму это как аллегорию, а это не так.

С е к с т:

Как ты хочешь узнать эту практику?

Л ю ц и й:

Секст, ты умён! Ты тоже понял этот секрет. Тимофей сам расскажет мне его.

С е к с т:

Ты хочешь арестовать и под пыткой узнать ее?

Л ю ц и й:

Нет. Это у меня вряд ли получится. Я хочу, что бы эту тайну мне выдали другие члены секты.

С е к с т:

Я не понимаю, как можно заставить их?

Л ю ц и й:

Ты убьёшь Тимофея.

С е к с т:

Я могу убить Тимофея, но как это поможет делу?

Л ю ц и й:

Я его не просто убью, я заставлю его при этом показать мне тайну вечной жизни! Слушай меня. Ты отравишь его. Яд действует несколько часов. Отравив, ты расскажешь ему об этом.

С е к с т:

А потом мне арестовать его?

Л ю ц и й:

Не смей этого делать! Именно - ты не должен делать ни чего для ограничения его свободы. Не делать ни чего, но видеть все! Куда

пойдёт, что будет делать, с кем встретится, что будет пить. Тебе понадобится масса шпионов.

С е к с т:

А если он не пойдёт ни куда?

Л ю ц и й:

Может быть. Тогда про его смерть должна узнать его церковь. Скорее всего, она выкрадет тело и проведёт то, что ты должен видеть!

С е к с т:

Я должен помочь украсть?

Л ю ц и й:

Ты должен расстелить лучшие ткани на дороге к нему! Эта кража должна быть похожа на праздничную процессию. Секта должна узнать о смерти сразу же. Но она не должна узнать ни одного слова, что это сделал ты.

С е к с т:

А потом? Они могут узнать про это.

Л ю ц и й:

Да, когда Тимофей воскреснет, как их бог, он может рассказать, кто отравил его, но в это время я уже буду знать тайну.

С е к с т:

Он может рассказать это и до этого, если уйдет от меня в секту сразу же.

Л ю ц и й:

А у тебя должны быть очень хорошие шпионы. Они должны видеть и слышать все. Не важно, даже если люди Тимофея и узнают правду.

С е к с т:

А сколько времени мне нужно будет ждать?

Л ю ц и й :

Мне рассказывали, что воскресение происходит на третий день.
Ты будешь ждать не менее этого срока.

С е к с т :

Что бы подготовить это мне потребуется несколько дней.

Л ю ц и й :

Несколько дней?! Делай это немедленно!

С е к с т :

Я исполню приказ. Спешу это сделать.

Секст выходит

Л ю ц и й :

Акта! Акта! Иди ко мне!

Вбегает Акта.

А к т а :

Я не уходила далеко, я чувствовала, что ты меня позовешь.

Л ю ц и й :

Я ошибся, как я ошибся! Нужно было сделать это гораздо раньше,
а теперь – время упущено.

А к т а :

Время для чего?

Л ю ц и й :

Для того, что бы вернуть мою дочь.

А к т а :

Тебе так тяжело.

Л ю ц и й:

Как мне суметь помочь тебе?

Л ю ц и й:

Августа дала мне бессмертие. Лишь я смогу воспользоваться этой тайной! Я, а не она...

Сцена 9

Коридор в дворце Нерона. В нем встречаются Акта и Марк.

А к т а:

Здравствуй, мой друг. Спасибо тебе, что ты пришёл поддержать Цезаря в это тяжёлое время.

М а р к:

Здравствуй и ты, Акта.

А к т а:

Я не уверен, что моя поддержка что-то дала. Она слишком неумела. Я видел – после меня пришёл Секст.

С е к с т:

Он всегда приходит, когда у Цезаря появляются какие-то планы. Скорее – поддержал он.

А к т а:

После тебя пришла я. А что, после меня был Секст?

М а р к:

Да. Я потом увидел, что он шёл к нему.

А к т а:

Я боюсь Секста.

М а р к :

Я его почти не знаю. Знаю, как его зовут, знаю его лицо, но не более. А что тебя пугает в нем?

А к т а :

Он так близок к Императору, он исполняет все его приказы.

М а р к :

Все исполняют приказы Цезаря.

А к т а :

Все исполняют, но Сексту достаются особые приказы, которые он исполняет. Я думаю, что если кто-то узнает про них, то будет беда.

М а р к :

Ты опасешься, что он раскроет их? Напрасно - ему самому это будет невыгодно.

А к т а :

А если найдутся сильные враги и выгодно будет им? Секст предаст Императора. У него все будет для этого.

М а р к :

Увы. Не в наших силах знать это.

А к т а :

Я волнуюсь - Цезарь сейчас говорил мне очень непонятные слова. Мне иногда кажется... кажется, что он не здоров.

М а р к :

Что значит «непонятные»? На чужом языке?

А к т а :

Нет, на родном. Он говорит, что станет бессмертным. И, кажется, Секст помогает в этом. Сейчас он сказал мне, что его умершая

дочь Августа сделала его бессмертным. Я его люблю, но ему сейчас плохо.

М а р к :

Время многое изменяет и открывает глаза.

А к т а :

А я его все равно люблю. Мне можно. Я – рабыня. Любовь – чувство, разрешённое римской моралью лишь для проституток.

М а р к :

Но эллины считают по-другому. Они любовь помещают на вершину всего.

А к т а :

А Рим считает, что матроне достойно испытывать лишь долг. Но мне матроной не стать. Я – рабыня. И поэтому я люблю...

М а р к :

Скажи, а ты действительно из Лидии?

А к т а :

Мне жаль Люция. Сколько сил и средств он потратил, что бы сделать меня лидийской принцессой, находящейся в Риме в почётном залоге. А в Лидии я даже не была ни когда. Я не римлянка, и не италийка вовсе. Когда я говорю о моей семье, сердце просыпается, а оно все в ранах.

М а р к :

О твоей семье не известно ни кому.

А к т а :

Кажется – и мне сейчас уже неизвестно. Я променяла долг на любовь. Меня захватили солдаты Люция в далёкой, моей стране на юге. Про отца и мать я с тех пор не знаю ни чего. Наверное, их

убили. Я полюбила того, кто сделал это. И мне казалось, что он полюбил меня *(плачет)*.

М а р к:
А сейчас?

А к т а:
Он поднялся, а я не смогла. Любовь будет со мной до смерти. А долг слишком тяжёл. Я не смогу вынести его.

М а р к:
Я не хотел видеть твоих слез. Прости меня.

А к т а:
Прости и ты меня – я всегда хотела спросить: почему он тебя не тронул?

М а р к:
В последнее время вообще очень немногих убили. Я даже не знаю времени, когда было так мало казней.

А к т а:
А я не знаю у него друзей. Он их всех убил. Поэтому мне и показалось это время кровавым. Сейчас у меня не осталось больше надежды... её и раньше не было. Но мне хотелось увидеть его сына. Я сама бесплодна и у нас не получилось ребенка. Хотя бы на мгновение. Хотя бы от Поппеи. А ты Марк – друг. Друг мой и его. Я не знаю других таких людей. Мне не хочется потерять тебя. Извини за моё дурное настроение. Ответь мне.

М а р к:
Ты задаёшь сложные вопросы. Я жив из-за тебя. Ты наверное удивлена, но причина этому – ты.

А к т а:

Я не представляю, каким образом я смогла делать это. Мы даже не говорили о тебе ни разу.

М а р к :

Ты любишь Нерона.

А к т а :

Я рабыня – мне позволено испытывать любовь.

М а р к :

А он – император, но он также любит тебя.

А к т а :

Ты часто говоришь о любви. А кого любишь ты?

М а р к :

У меня также была рабыня. Ты её даже знаешь, она была твоей подругой. Это – Нота. Я дал ей свободу. Дал как Нерон тебе. Получив свободу, она ушла от меня. Наша любовь разрушена ей, а вашу не допустил Сенат. Нерон заметил, что мы очень похожи. Он считает, что моя смерть приведёт к его смерти.

А к т а :

Да, он очень суеверен, а я рада, что ты жив. Почему Нота ушла от тебя?

М а р к :

Она любила другого. Она сразу же вышла замуж. За одного члена новой секты. Оказывается, что со мной она все время была по долгу моей собственности. Я просто ошибся. Римская мораль говорит правильно – «любовь это участь проституток, а участь матрон – долг». Получается, что я – проститутка, так как я её до сих пор люблю.

А к т а :

Прости, мне нужно идти к нему. Я часто жду у его дверей, когда он позовёт меня. Но этого нет уже так дано...

М а р к :

У Цезаря уже вторая жена. Быть может, она родит ему ещё одного ребёнка.

А к т а :

Я знаю. Я ни когда не ждала от Люция ни чего. Я даже сначала любила Октавию. Сейчас люблю Пoppею, потому что она жена Люция и мать его ребёнка... Была матерью его ребёнка. Я буду любить тех, кого любит он.

Сцена 10

Балкон на вершине дворца. Вдалеке видны контуры Рима.

С е к с т :

Да хранят тебя боги, Император!

Л ю ц и й :

Я тебя не видел уже месяц. А ты должен был мне сказать очень важное.

С е к с т :

Император, меня не было одну неделю. Я исполнял приказ.

Л ю ц и й :

Я жду твоего ответа. Как все свершилось? Он жив?

С е к с т :

Нет. Тимофей мертв.

Л ю ц и й :

Как мертв! Кто его убил?

С е к с т :

Его убил Император.

Л ю ц и й :

Я знаю! Но как все прошло?

С е к с т :

Мне не составило затруднений подсыпать яд в его еду. Мы были одни в доме.

Л ю ц и й :

Ты был один?

С е к с т :

Не считая манипулы солдат вокруг дома. Но они все стояли спрятавшись.

Л ю ц и й :

Он съел еду?

С е к с т :

Съел.

Л ю ц и й :

Дальше! Не заставляй меня все время, как на допросе, вытягивать из тебя слова!

С е к с т :

Когда прошло немного времени, я сказал ему про яд.

Л ю ц и й :

Куда он побежал?

С е к с т :

Ни куда - он остался в доме. Даже стал каким-то спокойным. Он не куда не побежал. Я был с ним до смерти.

Л ю ц и й :

О чем он говорил с тобой?

С е к с т :

Ни о чем. Он молчал. А может быть – молился. Я явно видел, что внутри него что-то происходило.

Л ю ц и й :

Яд?

С е к с т :

Я видел раньше, как действует яд. Это было другое.

Л ю ц и й :

Что было дальше?

С е к с т :

Дальше – он умер. Я подождал некоторое время, а после этого перенёс тело в подготовленную гробницу. Рабам, которые делали это, было приказано делать это наиболее заметно, что бы весть о его смерти точно дошла до его последователей.

Л ю ц и й :

Они узнали об этом?

С е к с т :

Да, узнали. Могу сказать про это точно, потому что четыре человека из секты обратились ко мне с просьбой отдать тело.

Л ю ц и й :

Ты отдал?

С е к с т :

Как мы и договаривались. Мои шпионы проследили их путь и действия. К телу приходили люди, но ни кто не делал ничего, что бы было бы нам интересным.

Л ю ц и й :

А что потом было?

С е к с т :

Потом я помог им с похоронами. Мои люди открыто захоронили его тело. Пришедшие плакали, но после ни кто не вернулся туда. Я оставил у могилы тайную стражу, но ни кто туда не приходил. Ни кто не делал попытки, что бы выкопать и оживить тело.

Л ю ц и й :

Как я сразу не почувствовал обмана!

Секст уходит и, остановившись, ищет в мешочке монету

С е к с т :

Я забыл сказать одну вещь. Почти перед самой смертью, Тимофей дал мне монету со словами «отдай ему... это мой долг». Вот она. Какие ещё приказания будут, Император?

Л ю ц и й :

Отдай мне монету и иди.

С е к с т :

Да здравствует Император!

Секст уходит. Некоторое время Нерон рассматривает монету. Потом ему приходит страшная мысль - он вздрагивает и роняет ее. Входит Марк.

М а р к :

Приветствую тебя, Имп...

Л ю ц и й :

Мой портрет! Я понимаю его! Он сразу узнал меня, а я закрывал лицо и даже пользовался гримом!

М а р к :

Кто, Император!

Л ю ц и й :

Один обманщик. Я думал, что у него есть одна тайна, а у него её не было. Но он узнал меня!

М а р к :

Это плохо? Тебя знают все.

Л ю ц и й :

Он прислал мне монету! На ней мой портрет. У него не было других поводов отправлять её мне!

М а р к :

Но почему это принесло такие волнения? Ведь тебе не чего бояться.

Л ю ц и й :

Я боюсь огня... Не принес бы этот обманщик нам его!

М а р к :

Сегодня пожар был бы опасен Риму.

Л ю ц и й :

Откуда дует ветер?

М а р к :

Все ещё с запада.

Л ю ц и й :

Третий день подряд. Как ты думаешь, этой ночью ветер усилится, как в прошлые ночи?

М а р к :

Наверное, будет сильнее. Сегодня днём уже дул и птицы совсем не летали.

Л ю ц и й :

Скажи, два месяца назад был сильный пожар и выгорел целый квартал. Что сейчас с ним?

М а р к :

Его уже почти отстроили, Цезарь.

Л ю ц и й :

Надо же! Верно, из камня у нас так быстро строить научились?

М а р к :

Нет, из дерева.

Л ю ц и й :

Из дерева?! В нарушение моего указа? Как они осмелились?...

Пусть опять все сгорит. Отстроим все заново. Хочу, чтобы в каменном доме жил не я один. Я забочусь о народе Рима.

М а р к :

Но ты потеряешь его любовь.

Л ю ц и й :

Неужели то, что я забочусь о нем, может уменьшить его любовь ко мне? Я все равно заслуживаю этой любви.

М а р к :

Но ведь пострадает их имущество.

Л ю ц и й :

Значит, эта любовь корыстна. Это как любовь проститутки, ты даёшь деньги, а она тебя любит. Рим, тебя вскормила проститутка, теперь ты отдаёшь долг и вскармливаешь проститутку!

М а р к :

Но ведь в тех домах, что ты сожжёшь, живут не проститутки.

Л ю ц и й :

А кто?

М а р к :

Честные люди.

Л ю ц и й :

Что значит честные? А проститутки, не честные, что ли? Я предпочитаю общаться с проститутками, чем с проститутками. С ними все ясно. Моя воля – их согласие. Вот и все. Но если посмотреть глубже, то и ты тоже проститутка. Ты не отдашь свою плоть за деньги, зато возьмёшь себе в рот чужие слова. А, ещё хуже, чужие мысли в голову. И так – все. И я сам такой. Но я лучше многих! Да слушай, лучше многих, потому что я сейчас говорю это и открыто признаюсь в этом. А ты прячешь от всех и от самого себя свою натуру. Себя боишься.

М а р к :

А кого боишься ты, Цезарь?

Л ю ц и й :

А как ты сам думаешь? Есть только один достойный человек – я сам. Самого себя и боюсь. И очень жалею, что меня обманули. Бывает, что мне страшно того, что я задумал. Но я сильный человек и этот страх останется без ответа.

М а р к :

Сенат уже в неистовстве, народ любит тебя, потому что ты приводишь в неистовство Сенат, но ни какое злорадство не перекроет чувства горечи от потерянного имущества.

Л ю ц и й :

Не стой рядом с моим страхом. Покинь меня и позови центуриона преторианцев – он только что вышел. Должен быть рядом.

Марк уходит. Через некоторое время возвращается Секст.

Л ю ц и й :

Скажи, у нас в погребах ещё есть вино, то вино, крепкое, неразбавленное, от которого сразу и сильно хмелеешь?

С е к с т:

Думаю, да. Я узнаю об этом.

Л ю ц и й:

Да спроси. Скажи, что бы его отнесли в пожарную команду Рима. Пусть отпразднуют... отпразднуют мою победу в последнем состязании кифаредов.

С е к с т:

Цезарь, может быть, я не знаю, но ведь последнее состязание было более полугода назад. Да и в такой ветер, если пожару случится, сгорит весь Рим, а тут ещё и пожарные будут пьяны.

Л ю ц и й:

Да, ты прав, ты прав. Я уже очень давно не пел. Мне нужно вдохновение.

С е к с т:

Следует ли нам надеяться лишь на вино?

Л ю ц и й:

Ты искуситель! Нет - не стоит. Будут ли у тебя надежные люди в помощь вину?

С е к с т:

Они всегда есть, Цезарь.

Л ю ц и й:

Тогда довольно слов. Вина пожарным. Вот там, на западном склоне будет лучше начать, ветер оттуда. Мне будет отсюда все видно. Интересно будет посмотреть... А мне кресло и покрывало.

Секст наклоняет голову и уходит. Через некоторое время на балкон вбегают рабы, ставят кресло и укрывают покрывалом сажающегося Люция. Входит Акта.

А к т а :

Я не верю этому солдату! Он дурной человек!

Л ю ц и й :

Ты просто злая женщина. Злая и завистливая. Ты что, караулила под моей дверью? Значит, мне нужно быть предусмотрительным.

А к т а :

Любимый мой Люций, не прогоняй меня хоть из под своей двери. Хоть собакой позволь лежать у твоих ног!

Л ю ц и й :

Я не прогоняю тебя... Я не прогоню тебя. Ты знаешь об этом. Я просто раздосадован государственными делами, а ты нападаешь на моих друзей.

А к т а :

Я боюсь за тебя!

Л ю ц и й :

Напрасно. Секст - деликатен и утончен. Его не интересует личная выгода. Он беспокоится обо мне.

А к т а :

Люций, он предаст тебя! Ты говоришь при нем о разных вещах, которые можно пересказать очень превратно. Можно каждое слово сделать как меч, а дыхание - как яд.

Л ю ц и й :

Хватит! Не старайся напугать меня. Я не говорил ничего особенного. А Секст ответственный человек и знает свою службу.

*Вдали в городе начинается пожар. Входит Марк.
Люций садится и начинает любоваться видными сполохами.*

М а р к :

Прости меня, но мой страх не дал уйти мне далеко.

Л ю ц и й :

Значит он слишком большой, что руководит твоими ногами.

М а р к :

Я видел уходящего Секста.

Л ю ц и й :

Он вышел.

М а р к :

Сейчас горит Рим!

Л ю ц и й :

Да, вижу.

М а р к :

Но, Император, ведь это опасно?

Л ю ц и й :

Нет, сюда не дойдёт, не бойся, друг!

М а р к :

А до народа дойдёт. Они любят тебя, но сейчас эта любовь уже похожа на желание убить. Опытный оратор на форуме представит все против тебя, даже особо не готовясь.

Л ю ц и й :

Ты считаешь?

М а р к :

Раньше ты мог игнорировать любого оратора - им самим нужно было опасаться перед народом. А сейчас народ уже рисует про тебя карикатуры и поёт неприличные песни! Народ больше не боится тебя, а когда они потеряют дома...

Л ю ц и й :

Но я ведь не виновен...

М а р к :

Я видел уходящего Секста, а после начался пожар. Это связано друг с другом?

Л ю ц и й *(неуверенно)*:

Нет...

М а р к :

Загорелось очень быстро. Огню не помогли солдаты?

Л ю ц и й :

Солдаты? А они откуда?

М а р к :

Император, но ведь не Секст сам поджигал. Солдаты могли что-то сказать людям.

Л ю ц и й :

Я не виновен... я не виновен! Что мне делать? Что мне делать?!

М а р к :

Император, я не знаю.

Л ю ц и й :

Акта!?

А к т а :

Люций, я люблю тебя!

Л ю ц и й :

Что мне делать!

А к т а :

Люций, спроси своего секретаря. Он знает такие вещи.

Л ю ц и й :

Симпатика ко мне!

Входит просыпающийся на ходу Симпатик.

С и м п а т и к :

Я поспешил к тебе, Император!

Л ю ц и й :

Симпатик, меня могут обвинить в поджоге!

С и м п а т и к :

Могут?

Л ю ц и й :

Могут! Что мне делать?

С и м п а т и к :

Император, прости, но мне нужно знать больше.

Л ю ц и й :

Марк, расскажи!

Марк отходит с Симпатиком в сторону и они шепчутся между собой.

А к т а :

Люций, не бойся, они что ни будь придумают.

Люций нервно бежит по балкону.

С и м п а т и к :

Цезарь, мы не смогли придумать что-то цельное. К чему можно отнести возникновение пожара?... Или – к кому...

Л ю ц и й :

К кому?!

С и м п а т и к:
Почему возник пожар?

Л ю ц и й:
Рим подожгли!

С и м п а т и к:
Но кто?

Люций мгновение думает, меняется в лице.

Л ю ц и й:
Я знаю их! Я говорил с ними. Я боялся их!

С и м п а т и к:
Цезарь, у тебя есть мысли?

Л ю ц и й:
Все – вон! Секста ко мне!

А к т а:
Люций, не говори с ним!

Л ю ц и й:
Все – вон! Симпатик – останься.

Марк с Актой выходят

С и м п а т и к:
Император, это нужно сделать быстро. Нельзя позволить себя опередить. твоё имя не должно быть связано с пожаром.

Л ю ц и й:
Я понял и сделаю это.

Входит запыхавшейся и запачканный сажей Секст.

С е к с т:

Император, Рим горит!

Л ю ц и й:
Его подожгли.

С е к с т:
Подожгли? Нет, просто сильный ветер.

Л ю ц и й:
Подожгли, и я знаю кто!
С е к с т *(волнуясь)*:
Кто?

Л ю ц и й:
Помнишь, Тимофея, с которым помогал встречаться мне
Симпатик?

С е к с т:
Помню. Но Тимофеем мёртв.

Л ю ц и й:
Но его коллегия... его секта ведь жива?!

С е к с т:
Жива.

Л ю ц и й:
Зачем нам нужны эти обманщики?

С и м п а т и к:
Я понял, Цезарь. Я напишу приказ.

Л ю ц и й:
Приказ – мало. Рим не должен успеть ни чего понять. Они
принесли огонь, пусть освещают тогда улицы Рима! Это они
подожгли Рим, а не я. Про это должны узнать все!

Сцена 11

Зал императорского дворца. В краю сцены два раба. По сцене мечется Люций.

Л ю ц и й :

Секст! Где ты, Секст! Рабы, найти Секста! Меня бросили все!
Сколько времени я не могу найти ни кого! Пришел ли кто ни будь,
за кем я посылал?

Один раб выходит.

Р а б . Нет, Император, не пришёл ни кто.

Л ю ц и й :

Я так устал... Оставьте меня.

Раб выходит. Люций ложится на кровать и через некоторое время засыпает. Общй свет гаснет, луч возникающего потом света освещает стоящую в темноте Агриппину. На Агриппине надета простая и грязная одежда, волосы растрёпаны.

А г р и п п и н а (ласково):

Люций!

Люций посыпается, замечает её и остаётся безмолвным.

А г р и п п и н а :

Здравствуй мой сын...

Л ю ц и й :

Мама... но как?

А г р и п п и н а :

Люций, мне холодно.

Л ю ц и й :

Но ведь...

А г р и п п и н а :

Я собираю губок.

Л ю ц и й :

... Но зачем тебе губки?

А г р и п п и н а :

Мне все время хочется есть.

Л ю ц и й :

Ты... Ты выплыла?

А г р и п п и н а :

Ты забыл, мне ведь приходилось в ссылке постоянно нырять в море, чтобы поесть. Я хорошо плавала.

Л ю ц и й :

Я не понимаю...

А г р и п п и н а :

Не бойся, Светик, все это напрасно. Твои люди сделали, все, как ты хотел. Они даже достойно похоронили меня. А сейчас меня тяготит только холод.

Появляется ещё один луч света, который освещает Тимофея. На нем надета красивая белая тога.

Т и м о ф е й :

Здравствуй, Император.

Л ю ц и й :

Но... вы вместе?

Т и м о ф е й :

Нет. Тут врагов нет, но мы далеко.

Л ю ц и й :

Что ты хочешь от меня? Я ошибся и поверил тебе.

Т и м о ф е й:

Я бы хотел ответить на твой вопрос, но не могу, хоть уже и знаю ответ.

Л ю ц и й:

Ты хочешь меня убить?

А г р и п п и н а:

Он вправе испытывать такие чувства.

Т и м о ф е й:

Ты ошибаешься. Ты всегда ошибался.

Л ю ц и й:

Меня все предали и я так одинок! У меня нет ни друзей и ни врагов! Я покончу с собой!

А г р и п п и н а:

Ты ошибаешься, ты не сделаешь этого.

Л ю ц и й:

Я останусь жить? Тимофей, ответь мне!

Т и м о ф е й:

Нет, Император, не останешься.

Л ю ц и й:

Меня казнят? Я буду предан позору?

А г р и п п и н а:

Нет, тебя будут бояться ещё очень долго.

Т и м о ф е й:

А страх - это не позор?

А г р и п п и н а:

Нет. Позор это что-то другое. Люций, не бойся, тебе помогут!

Т и м о ф е й :

Но узнать ответ на свой вопрос ты сможешь только сам.

Л ю ц и й :

Меня спасут?! Что мне делать?

Освещение гаснет, призраки Агриппины и Тимофея пропадают. Через некоторое время освещение показывает одного Люция. Он с удивлением смотрит на монету, которая появилась у него в руке. Вбегает Марк.

М а р к :

Цезарь, Сенат рассматривает твоё дело!

Л ю ц и й :

Ты спасёшь меня?

М а р к :

Как, Цезарь?

Л ю ц и й :

Ты спасёшь меня.

М а р к :

Как, Цезарь?

Л ю ц и й :

Вот тебе плата. *Люций отдаёт монету.* Никого нет. Меня оставили все. Я не нашёл никого. Даже рабов нет. У меня нет ни друзей, ни врагов! Пусто и противно!

М а р к :

Я пришёл к тебе.

Л ю ц и й :

Спасибо.

М а р к :

А где Акта?

М а р к :

Не знаю. Я лишь встретил Спора.

Л ю ц и й :

Спор сможет лишь плакать. Он красиво оплачет мою смерть. А где Акта?

М а р к :

Я не встретил Акты. Я не успею позвать ее.

Л ю ц и й :

Не успеешь? Сейчас у меня нет ни друзей, ни врагов! У меня нет ни друзей, ни врагов... Прощай, Марк. Если мы хорошо играли - похлопайте нам и проводите с миром! Хлопай мне, Марк, хлопай!

Марк аплодирует, а Люций убегает вон. Через некоторое время входит Спор.

С п о р :

Марк, а где Нерон?

М а р к :

Он побежал к Тибру.

С п о р :

К Тибру? Зачем?

М а р к :

Утопиться.

С п о р :

Утопиться! Но... но... это же плохо кончится!

М а р к :

Хуже уже не кончится. У тебя больше нет мужа. Начни по нему плачь.

Спор начинает ритуальный плач.

М а р к *про себя.* Вот он и ушел. Больше он ни чего не будет бояться.

Входит Симпатик.

С и м п а т и к :

Здоровья присутствующим. Где Император? *О Споре:* Почему он плачет?

М а р к :

Нерона больше нет.

С и м п а т и к :

Я думал про это.

Входят рабы. За ними рассеянно входит Люций.

Л ю ц и й :

Я не смог...

Спор не понимая происходящего замолкает.

С и м п а т и к :

Император, я сейчас пришёл из Сената. Они признали тебя врагом народа и приговорили к смерти.

Л ю ц и й :

Да, я готов. Но я умру по своей воле! Марк, ступай, прикажи сделать мне могилу.

Марк выходит.

С и м п а т и к :

Это достойно, Император.

Л ю ц и й :

Какой великий артист погибает во мне! Дайте мне меч!

С и м п а т и к :

Император, это трудно сделать мечом самому.

Л ю ц и й :

Неужели мне не найти ни одного солдата или гладиатора для этого!

С и м п а т и к :

Сейчас мы не найдём их.

Л ю ц и й :

У кого есть меч?

С и м п а т и к :

У меня есть кинжал.

Л ю ц и й :

Но ведь Марк – солдат!

С и м п а т и к :

Но ты отослал его.

Л ю ц и й :

Симпатик, дай мне кинжал! Я готов. Какой великий артист погибает!

Берет у Симпатика кинжал и выходит.

С и м п а т и к :

Я скорблю о Нероне. Он был всегда добр ко мне.

С п о р :

Мой Нерон! Как я останусь без тебя?!

С и м п а т и к :

Не плачь. Сейчас играть бессмысленно. Лишь рабы слышат тебя. Нерон ушёл. Ушёл навсегда. Марк ушёл. Остался только я, а мне это не нужно.

С п о р :

Но я скорблю о нем!

С и м п а т и к :

Ты думаешь, моя скорбь меньше? Я знал его секреты и...

Входит Люций с опущенным кинжалом.

Л ю ц и й :

Как я сейчас ценю даже мгновения! У меня есть ещё...

С и м п а т и к :

Я слышу копыта военных лошадей! Скорее всего, это едут преторианцы, что бы арестовать тебя! Больше времени нет!

Л ю ц и й :

Симпатик, помоги мне!

Симпатик берет из руки Люция кинжал и, встав к нему лицом, ударяет кинжалом по горлу. Люций падает навзничь. Симпатик стоит неподвижно с кинжалом в руке. Вбегает Марк.

М а р к :

Он убил себя?

С и м п а т и к :

Он умирает. Спор начинается плач. Замолчи! Нерон умирает, у него остались мгновения!

Вбегает Секст и двое солдат. Секст хватается за тряпку и бросается зажимать горло Люцию, пытаясь спасти его.

Л ю ц и й (умирая):

Вот она - верность!

М а р к :

Поздно...

Сцена 12

Секст сидит за небольшим столом, на котором лежало несколько чистых тетрадей. Сбоку расположился раб-литератор, перед ним тетради протоколов.

С е к с т :

Как твоё имя?

М а р к :

Марк Марцелл.

С е к с т :

Родственник мера Рима?

М а р к :

Нет.

С е к с т :

Я несколько раз видел тебя у Цезаря.

М а р к :

Он отмечал меня при жизни.

С е к с т :

А сейчас что ты ожидаешь от этого?

М а р к :

Я не ожидал ни чего и раньше.

С е к с т :

Почему ты был рядом? Ты поэт?

М а р к :

Нет, не поэт. Я бывший солдат.

С е к с т :

Ты был его любовником?

М а р к :

Нет.

С е к с т :

Но что позволило тебе так просто входить к императору? Почему он благоволил тебе?

М а р к :

Формально – меня уличили в связи с рабыней. Он также, как и я, был обвиняем...

С е к с т :

Это заслуживает осуждения, но мне понятно. Ты знаешь Акту?

М а р к :

Да.

С е к с т :

Какие услуги ты оказывал ему?

М а р к :

Никаких.

С е к с т :

Ты его убил?

М а р к :

Нет.

С е к с т :

А кинжал был твой?

М а р к :

Нет.

С е к с т :

У тебя самого есть меч?

М а р к :

Да.

С е к с т :

А зачем ты носишь с собой меч?

М а р к :

Для самообороны.

С е к с т :

В Риме? Наши дороги безопасны, на них не бывает разбойников.
Так зачем носить с собой меч?

М а р к :

Я помогал охранять Цезаря.

С е к с т :

А разве у него не было охраны?

М а р к :

Не знаю. По крайней мере, манипула преторианцев ехала к нам по этой дороге, чтобы убить его. А вопрос про охрану императора было бы уместнее задать тебе.

С е к с т :

Спасибо за совет. Теперь отвечай: кто убил императора Нерона Клавдия?

М а р к :

Его вольноотпущенник, Симпатик.

С е к с т:

Сам?

М а р к:

Нет, по просьбе Императора.

С е к с т:

Что он сказал перед смертью?

М а р к:

Пожалел, что не сможет больше играть на сцене.

С е к с т:

Были завещания?

М а р к:

Нет.

С е к с т:

Обвинял кого-нибудь?

М а р к:

Нет.

С е к с т:

Объявлял наследника?

М а р к:

Нет.

С е к с т:

Есть ли у него наследники?

М а р к:

От Спора?

С е к с т:

От кого угодно – отвечай.

М а р к:

Я не знаю о них. Он их не называл, лишь сказал, что у него больше нет ни друзей, ни врагов.

С е к с т:

Он был в момент самоубийства рядом?

М а р к:

Кто?

С е к с т:

Спор.

М а р к:

Да, был.

С е к с т:

Что делал?

М а р к:

Плакал.

С е к с т:

Кто нанес удар?

М а р к:

Симпатик.

С е к с т:

Ну что же, я думаю нам достаточно показаний, чтобы его повесить.

М а р к:

За что? Он ведь исполнял просьбу.

С е к с т:

За убийство господина. Закон требует распятия в данных случаях всех рабов, принадлежащих убитому, но я думаю, в настоящем случае это излишне.

М а р к:

Но ведь Симпатик уже не раб, он получил свободу.

С е к с т:

Он им был. А господин остаётся господином всегда.

М а р к:

Но ведь вы сами гнались за ним, чтобы убить.

С е к с т:

Чтобы предать суду и казнить.

М а р к:

А сейчас собираетесь казнить того, кто убил его.

С е к с т:

Да.

М а р к:

Послушай, но ты ведь не следователь. А ты ведешь допрос под запись протокола, задаешь вопросы, ответы на которые тебе известны лучше, чем мне. Я хочу задать вопрос – не фиксируй более протокол.

Секст молча соглашается и жестом руки отпускает раба-литератора.

С е к с т:

Я услышал твоё слово. Что ты хотел сказать мне?

М а р к:

То, что ты делаешь, более соответствует другим людям, почему это делаешь ты?

С е к с т:

А почему ты делал то, что делал? Ты не менее удивителен, чем я. Простой человек, которого Нерон держал всю свою жизнь рядом, кормил и называл другом. У Нерона действительно не было друзей, а как ты стал им – мне неизвестно.

М а р к:

Я не знаю. Сначала мне это казалось удивительным, но со временем я привык к этому.

С е к с т:

Ты врёшь. Такого не бывает – обязательно есть причина, правда, она меня сейчас не интересует абсолютно.

М а р к:

Я был с ним лишь иногда, а ты был всегда. Не было случая, что входя к нему, я не встречал тебя.

С е к с т:

Я офицер преторианцев в личной охране императора. Ты не мог не встречать меня.

М а р к:

Ты был в его жизни всем.

С е к с т:

А что ты хочешь услышать от меня сейчас? Признания, жалобы, вины, сожаления? Чего? Попросил удалить рабов, пытаешься выяснить то, что ещё сам не представляешь. Я сложнее, чем ты можешь представить себе!

М а р к:

Ты попробуй. Я, хоть и солдат, но я могу понять многое. Скажи: кто ты? Я – ни кто. Меня уже практически нет. Ни чего во мне можно не бояться.

С е к с т:

Хм... бояться... Я ни когда, ни чего не боюсь.

М а р к:

Ты офицер Претории.

С е к с т:

Это к делу не относится. Я не боюсь, потому что не делаю ни чего незаконного.

М а р к:

Ты так считаешь? Иногда мне казалось, что все твои дела незаконны.

С е к с т:

Ты ошибаешься. Вся моя жизнь проникнута следованием долгу. Я руководствуюсь долгом, а не желаниями. Я даже скажу – у меня их нет вовсе. А все, что я делал и делаю, я делаю исходя из долга.

М а р к:

Ты совершил так много...

С е к с т:

Я был почти всегда с Нероном. Все, что хотел делать он – делал я.

М а р к:

Всё?

Секст *(смеясь)*:

Нет, я не пел.

М а р к:

Я не про это. А если то, что он хотел, было противозаконно?

С е к с т:

Император он, а не я. Вопрос законности – его вопрос. А его охрана – мой вопрос.

М а р к:

Даже тогда, когда ты прибежал убить его?

С е к с т:

В тот момент он был низложен Сенатом, и надо мной не было долга. Я исполнял волю Сената.

М а р к:

А когда ты жёг Рим?

С е к с т:

Ты что же, думаешь, что это была моя воля?

М а р к:

А когда уничтожал христиан?

С е к с т:

И это – не моя. Ты будешь перечислять все? На это не хватит оставшегося времени дня. Я тебе спрошу: как ты думаешь, почему я не боюсь ни чего?

М а р к:

У тебя много людей, связей, знаний.

С е к с т:

Много, но причина не в этом. Я не делаю ни чего своей волей. Я просто исполнитель, который реализовывал все желания Цезаря. И буду реализовывать! Хоть род Юлиев прервался, но императоры от этого не исчезнут. Каждый из них после избрания будет вынужден столкнуться со мной или с таким, как я. Я как Янус вглядываюсь в них и реализую все желания. А отвечать за

их желания – не моя ответственность. Им нужно справляться с собой, а не пенять на меня. Простому человеку проще – над ним висит море ограничений, которые не дадут реализоваться подавляющему числу желаний. Но если ты – император, ...

М а р к :

Ты должен контролировать свои желания?

С е к с т :

Да. Поэтому я и не боюсь. Потому что это – его желания, а сам я желаний не имею вовсе.

М а р к :

Я думал о тебе иначе. Ты не предавал Нерона?

С е к с т *(улыбается)*:

Не веришь мне?

М а р к :

Ты мне не нравишься.

С е к с т :

Ну... я не женщина. Это не моя проблема. Если бы я предавал всякий раз, то его убили бы гораздо раньше. Да и меня вместе с ним. Но мой долг тогда был – исполнять его волю. И не моё дело было судить об этом. Ни раньше, ни сейчас.

М а р к :

Как странно...

С е к с т :

Чему ты удивлен?

М а р к :

Желание – это страх?

С е к с т *(подумав)*:

Не знаю. Я не желаю ни чего, но и не боюсь. И ни кто не доказывал мне, что я в чем то ошибаюсь.

М а р к :

Когда я говорил раньше, я допустил ошибку.

С е к с т :

В чем же?

М а р к :

В том, что Нерон не оставил наследников.

С е к с т :

Кому он наследовал?

М а р к :

Симпатику.

С е к с т :

Симпатик раб.

М а р к :

Люций сказал, что теперь обладает только позором, а ты и сейчас исполняешь его завещание.

Сцена 13

В траурно убранной комнате Люция перед стоящей на постаменте золотой урной стоит Акта и, не отрываясь, смотрит на нее. Входит Марк.

А к т а :

Клянусь Зевсом... клянусь Зевсом, я любила тебя, Люций.

Поклянись же и ты мне, поклянись водами Стикса, ты теперь можешь это сделать, поклянись, что и ты любил меня. Я поверю. Всегда верила и ждала, а теперь только верю.

М а р к :

Здравствуй, Акта.

А к т а :

Здравствуй. Я была с Люцием... Входи, входи.

М а р к :

Входи, мой единственный друг на этом свете.

М а р к :

Акта, я не сразу узнал тебя. Ты изменилась.

А к т а :

Да, я изменилась. Все внутри меня стало другим.

М а р к :

Удивительно, ты стала даже выше. У тебя выпрямилась спина, и ты перестала клонить голову. Смерть Нерона произвела на тебя невероятное действие. Ты расправила плечи – раньше я никогда не видел такой.

А к т а :

А раньше я такой не была никогда. В этом мире все постоянно меняется. Раньше я всегда чувствовала над собой меч, а теперь он стал как каменная глыба. Она упала на меня и распрямила мне плечи. Мне кажется, что меня распяли... Вот и плечи поднялись поэтому.

М а р к :

Ни говори так! Симпатика, который убил Люция, распяли. Не помогло даже то, что даже он сам просил об этом. Ты тоже вольноотпущенница – опасайся стихийного гнева!

А к т а :

Марк, не волнуйся. Мне ни чего не грозит. Я стала другой. Сегодня ко мне пришли из Сената и принесли тело Люция.

М а р к :

Тело? Тебе?

А к т а *грустно улыбаясь*. Тебя это удивляет, солдат?

М а р к :

Это странно. Просто я не думал об этом.

А к т а :

Нерон был последним в роде Юлиев. Ни одного живого родственника не осталось. Супруга – не в счёт. Считать вдовой эреба не стали. Им было не куда деть тело. Хоронить Люция государству самому – непристойно. Сенат признал вдовою меня. Так что я не боюсь – я вдовствующая императрица Римской империи! Меня не распнут...

М а р к :

Тебя признали императрицей?

А к т а :

Не волнуйся так, Марк, не признали. Но тело отдали мне.

М а р к :

Ты похоронила Нерона?

А к т а :

Нет. Мы кремировали тело с родственницами его отца. Он ещё здесь. Не бойся, он уже смирен жизнью от его постоянных и мелких вспышек гнева.

М а р к :

Я не знал этого.

А к т а :

Страх больше не душит меня. Я первый раз в жизни дышу спокойно и не опасаясь ничего. Ты знаешь, эта комната стала ещё выше и свободнее. Я даже слышу, как капает вода в часах...

М а р к :

А чего ты боялась раньше?

А к т а:

Сейчас я вообще ни чего не боюсь. Всю свою жизнь с Люцием я боялась за него. Он также боялся, как и я. Боялся за себя. А сейчас нам уже не за кого бояться.

М а р к:

Тебе надо отдохнуть. Столько переживаний могут сломить даже сильные натуры.

А к т а:

Изменилась? Я стала императрицей. Я более не рабыня, не вольноотпущенница, я вершина патрицианского общества. И только потому, что он умер. Ни Спор, ни кто иной, а я.

М а р к:

Акта, успокойся, Акта, пожалуйста! Я боюсь за тебя.

А к т а:

За меня? За мой рассудок или за то, что кто-то передаст преемнику? Не бойся мой друг. Я не сошла с ума. Я хорошо понимаю, что возведена на эту должность Римом лишь на время похорон. Что из этого ни чего не следует.

М а р к:

Как тебя нашли? Меня отпустили из под ареста только недавно.

А к т а:

Секст принёс мне моего Люция. Вот его прах. Я не жду от Сената, что меня действительно признали женой императора, но хоронить императора придётся мне. Рода Юлиев-Клавдиев больше нет. Но, ты знаешь, я действительно стала императрицей... Мои плечи распрямились, кажется – навечно.

М а р к:

Я безмерно удивлён! Откуда ты взяла этот голос? Ты изменилась. Твоя спина стала как у Агриппины – прямая и величественная. Ты всегда была маленькой ростом, а сейчас я вижу, что ты стала выше на голову! Я действительно вижу императрицу Великой Римской Империи.

А к т а :

Я вспоминаю, что я ведь не была рабыней в своей прежней жизни. Мой отец занимал высокие должности при дворе. Меня с детства учили писать. Я знаю латынь и греческий. Но я предала их забвению ради Люция.

М а р к :

У тебя на шее весит его любимый перстень с крупным опалом.

А к т а :

Он всегда боялся быть отравленным... Опал, говорят, спасает от ядов. Как ты думаешь, они встретились там... в низу?

М а р к :

С кем встретились?

А к т а :

С Августом. Он хотел быть похороненным в его роще. Мне позволят исполнить его волю?

М а р к :

Мне кажется, что тут нас постигнет неудача. Может быть, следует найти другое место?

А к т а :

Может быть, может быть... Только поближе к Августу. Он всегда любил его и хотел походить на него. Только золотых таблиц у него не получилось. Август описал свою жизнь на золотых таблицах, а Люцию было нечего написать на своих – все было как-то мелко и непонятно.

М а р к :

Сейчас все изменилось.

А к т а :

Одно жалко, что все эти перемены стали возможны только ценой его жизни. Я спокойна, но во мне горит огонь. Ты не согласишься, наверное, это должно быть стыдно, но я чувствую себя обманутой. ещё месяц назад я чувствовала себя старухой. А теперь... Я сегодня подсчитала, сколько мне лет. Что ты удивляешься? Я действительно не знала этого. Не считала. Мне уже двадцать пять лет, а хоть один из них была ли я счастлива?

М а р к :

Ненужно предаваться такому отчаянию. Жизнь идёт - нам и так осталось немного. Говорят, роща Юлиев уже начала сохнуть. Сбывается пророчество: умер последний член рода - роща должна засохнуть.

А к т а :

Это не от пророчества. Я хожу плакать туда. У них от этого горят корни. Ты знаешь, когда я увидела Ноту, я смотрела на неё и... и улыбнулась ей. Она не заметила меня. Я действительно изменилась. Что-то неизвестное внутри меня сломалось после смерти Люция. А может быть наоборот - вернулось на правильное место.

М а р к :

Твоя осанка?

А к т а :

Нет. Я говорю совершенно не про неё. Я многое поняла и изменилась.

М а р к :

Человек должен меняться. Это говорит о его развитии.

А к т а :

Да... Помнишь Ноту? Хотя не отвечай, конечно – помнишь. В тот самый день, когда весть о смерти Цезаря облетела Рим, я, почти безумная ходила по улицам. А народ веселился.

М а р к :

Нард веселится всегда. И при жизни, и после смерти. Но вообще Нерона любили люди. А сейчас слышны на улице плачи.

А к т а :

Я увидела Ноту. Она была настолько рада, что мне показалось, что это она убила Люция... Я захотела пробиться к ней через толпу и впиться своими пальцами ей в глаза! Но это было лишь малое мгновение. Будто голос в моей голове сказал мне: «Ты помнишь, что Люций на улице, просто для освещения, сжёг живьём её мужа? Сегодняшняя её радость – малая расплата за это». И в моей душе все изменилось в это мгновение. Я увидела её лицо, и... я улыбнулась ей! Она меня не заметила, лишь я сама увидела свою улыбку. Скажи, а ты причастен к казни её мужа?

М а р к :

Нет. Я его даже ни разу не видел. Он не существовал для меня раньше, не стал существовать и сейчас. Мстить за свою глупость таким образом – глупо, а добиваться так женщины – подло. Она просто пропала из моей жизни. А любовь – моя слабость и моя глупость. Я мог бы говорить с Нероном о нем, но не делал этого никогда. Хотя Цезарь все знал. Кажется в мельчайших деталях. Но говорить со мной об этом – показать свою слабость.

А к т а :

Все меняется. Люди становятся другими. Мы их понимаем по-другому. События жизни иногда открывают нам многое. Мы иначе воспринимаем людей.

М а р к :

Это удивительно. Сразу после самоубийства Цезаря меня о его смерти допрашивал именно его бывший офицер.

А к т а :
Секст?

М а р к :
Да - он. Я ведь был с Нероном в его последний час. Я видел, что его хотели арестовать по вымышленному обвинению в отцеубийстве. И арестовывать его ехал именно исполнитель всех его желаний - Секст.

А к т а :
Я не знала об этом. Но это лишь утверждает меня в моих мыслях. Секст на самом деле больше чем просто офицер. Гораздо больше.

М а р к :
Ты думаешь? Я слышал, что он просто офицер Претории, центурион, не из знатного рода, не связан ни с одной политической партией.

А к т а :
Я не про это. Он играет странную и непонятную роль в нашей судьбе. Роль в судьбе, а не в политике. Сначала я очень боялась его. Я всегда считала, что он предаст Люция. Он доверял ему все свои секреты и тайные дела. Он поручал ему много грязных дел, за которые он мог попасть под суд. Я всегда считала, что рано или поздно он расскажет про все это и Люция убьют за это. Но он был верен до конца. Он исполнял все и ни о чем не рассказал. А потом...

М а р к :
А потом он возглавил силы, которые по приговору суда ехали арестовать Нерона.

А к т а :

Да! Он допрашивал тебя. Скажи, а Симпатика арестовал и казнил тоже Секст?

М а р к:

Арестовал – да, Секст.

А к т а:

Он знал все. Он исполнял все его желания и капризы. Но когда Суд и Сенат решили свергнуть Люция, он поехал делать это. Фактически – убивать его.

М а р к:

А потом он сделал все, что бы убить того, кто убил Нерона.

А к т а:

Ты не знаешь – тело Люция потом мне привёз именно Секст.

М а р к:

А кто же предал его огню?

А к т а:

Я слабая женщина. Секст дал мне в помощь своих рабов. Они принесли тело к его родственникам. Мы сделали это вместе. Так вот, я поняла: Секст – это рок. Он служит Дике. Богиня справедливости всегда стоит за его плечом. Он не совершал ни чего своей волей. А воля, его посылавшая, и была осуждена. Извини, Марк, я хочу ещё говорить с ним...

Акта поворачивается к урне, а Марк, немного помедлив, выходит.

Сцена 14

Справа пустой задрапированной сцены стоит бюст Октавиана Августа. Лицом к нему, слева, стоит Секст.

С е к с т:

Есть игры, которые принципиально не сходятся только потому, что смысл не в победе в них, а в самой игре. Ведь как можно

говорить о путнике, держащем путь за солнцем, что он хочет попасть на этот огненный шар? Его цель – не раскаленный шар, который лишь указывает и помогает достичь каких-то более приземленных событий. И, может быть, гораздо более ценных.
(Августу)

Ты удивлен, что история сохранит за Люцием только тьму? Так все сложилось, Август. Нерон был виновен тем, что не противостоял искушениям. Искушения съели его. Его могли назвать – миротворцем, ведь во время его правления не велась ни одна война. Могли – гуманистом, ведь он закрыл Колизей, потому что считал недостойным человека смотреть смерть на арене. Могли – архитектором, ведь он построил каменный Рим. Могли – ученым. Могли – философом. Могли – поэтом. Но его назовут кровавым. Вспомнят страшные казни и жестокость. Он всегда помнил о себе. Всегда следовал своим желаниям и фантазиями. Весь мир служил ему, а он чистосердечно принимал это. Как часто болтающаяся перед ослиным храпом морковка заставляет его идти вперед, надеясь заполучить ее. Но осла то обманывают хитрые люди, которые то и дело сами сознательно идут за предлагаемой им морковкой, иногда понимая, но чаще – нет, иллюзорность собственной цели. А высшее счастье знать о морковке и следовать ей, одновременно с этим замечая все, что творится вокруг и к чему приводит этот путь. А тот, кто следует только за морковкой, в конце пути понимает, что его обманывали, но оказывается уже слишком поздно.

Секст поворачивается лицом к залу.

Я слишком много говорю? Или вы ждете у меня готовых и простых решений? У меня их не будет ни одного.

Августу.

Ты говорил: «И если мы хорошо играли – похлопайте нам и проводите с миром». Ты был умен и прав.

Залу.

А вам я повторяю его слова. Вы можете быть свободны, а мне нужно вдохновение!

Занавес